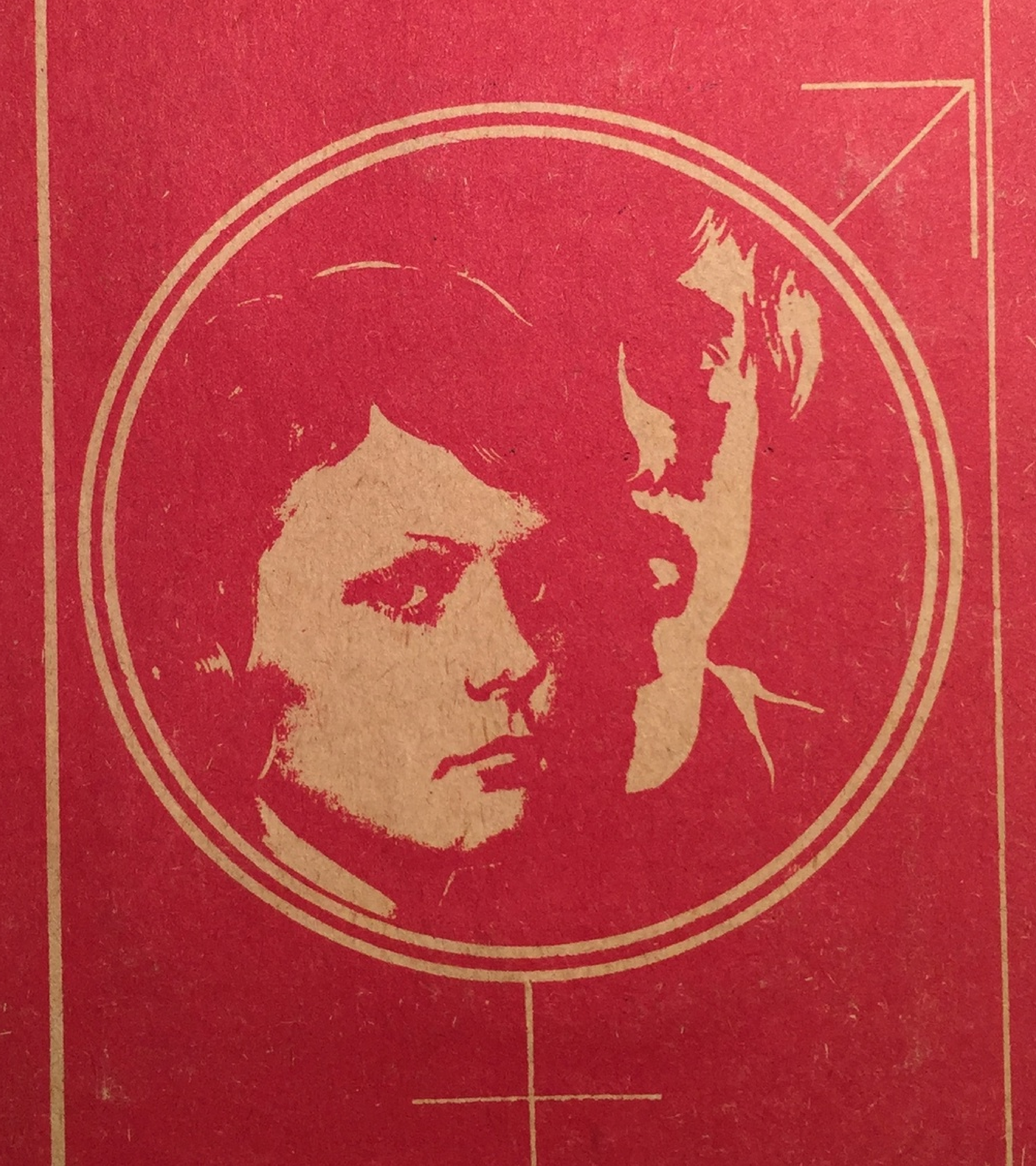
Олег Мороз

ГРУППА РИСКА

Олег Мороз

ГРУППА РИСКА

«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
МОСКВА
1990

ББК ~~74.200.56~~
М80

Рецензенты:

кандидат медицинских наук, зав. лабораторией СПИД ЦНИИ эпидемиологии МЗ СССР *В. В. Покровский;* кандидат педагогических наук, инспектор РОНО *И. Н. Пищик*

Мороз О.

М80 Группа риска.—М.: Просвещение, 1990.—96 с.— ISBN 5-09-002810-9

В очерках, составляющих эту книгу, рассказывается о так называемых группах риска — людях, наиболее подверженных опасности заболеть СПИДом. Это в первую очередь наркоманы, проститутки, гомосексуалисты, люди, ведущие беспорядочную половую жизнь. Однако по мере того как болезнь распространяется, угроза нависает над всеми нами, мы все попадаем в группу риска и должны тщательно контролировать свое поведение.

М $\frac{4306020000—430}{103 (03)—90}$ 261—90 ББК 74.200.56

ISBN 5-09-002810-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

Учебное издание

Мороз Олег Павлович

ГРУППА РИСКА

Зав. редакцией **Н. П. Семыкин**
Редактор **Н. П. Гаценко**
Младший редактор **И. Г. Антонова**
Художник **Н. В. Беляева**
Художественный редактор **Е. Л. Ссорина**
Технический редактор **С. В. Китаева**
Корректор **О. В. Ивашкина**

ИБ № 12778

Сдано в набор 28.08.89. Подписано к печати 01.03.90. Формат 84×108 1/32. Бум. типограф. № 2. Гарнит. литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 5,26. Уч.-изд. л. 5,95. Тираж 600 000 экз. Заказ 5535. Цена 25 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, 153628, г. Иваново, ул. Типографская, 6.

НЕДУГ НЕВЕДОМЫЙ, ОПАСНЫЙ...

Первое сообщение о новой, прежде неведомой болезни появилось в американском «Еженедельном вестнике заболеваемости и смертности» в середине 1981 года. Несколько позже она была поименована СПИДом. Все эти девять лет человечество живет в ужасе перед вновь объявившимся недугом. Зараженные и больные уже есть почти во всех странах. Число их растет и растет. Цифры, предоставляемые Всемирной организацией здравоохранения, стареют уже в момент их публикации.

Чем объяснить страх перед СПИДом? Есть ведь немало других опасных болезней. Думаю, скрытностью ее передачи от человека к человеку. И неизлечимостью. Заразившись СПИДом, человек может месяцы и годы о том не подозревать. Пугает неопределенность. Есть в этой скрытности что-то зловещее.

Что касается неизлечимости, то все мы питаем надежду, что рано или поздно вакцины и лекарства против СПИДа будут созданы. Но когда это будет? Ученые не особенно нас обнадеживают, обещая дать средства борьбы с болезнью не в очень скором будущем.

Есть и еще одна, главная, причина страха перед СПИДом. Он поражает иммунную систему, то есть естественную систему защиты от болезней. Мы словно бы оказываемся безоружными перед толпой врагов. Быть безоружным перед смертельной опасностью — что может быть ужаснее?

Как уберечься от СПИДа? Собственно говоря, этому и посвящена книга, хотя вы не найдете в ней систематизированных поучений и рекомендаций: писал ее не специалист-медик, а литератор. Я рассказываю о своих встречах и беседах с людьми, составляющими так называемые группы риска. Это наркоманы, проститутки, гомосексуалисты, а также люди, ведущие беспорядочную половую жизнь.

Все же, полагаю, необходимые сведения — как уберечься от СПИДа — имеются в книге. Прочитайте ее внимательно.

Глава 1

ДОРОГО СТОИТ КАЙФ

Наркомания страшна сама по себе. Человек, вступивший на этот путь, в конце концов лишается человеческого облика. Искажается его психика, деформируются представления о мире, утрачивается работоспособность... Однако, помимо этого, наркоманы подвержены еще одной опасности — опасности заражения всевозможными инфекционными болезнями, в том числе СПИДом. Ведь сплошь и рядом они пользуются шприцами, понятия не имея об их стерилизации, об асептике. Получив вирус, наркоман может передать его вовсе безвинным людям — своим близким, друзьям, подругам... Одним словом, вынести болезнь за пределы своего круга. Так что можно сказать: сегодня наркомания еще страшна и СПИДом.

Западногерманский журнал «Шпигель» напечатал недавно интервью с двумя наркоманами, назвавшимися Бригиттой и Мартином. Из этого интервью[1] хорошо видно, какими путями распространяется СПИД между наркоманами.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Итак, вы оба употребляете героин. Когда вы сделали себе последнюю инъекцию!

БРИГИТТА. Шесть часов назад.

---

[1] Я часто буду приводить в книге цитаты из зарубежной прессы, а также сообщения наших корреспондентов за рубежом. Источники не указываю, чтобы не утяжелять текст. Речь главным образом идет о тех странах, где СПИД к сегодняшнему дню получил наибольшее распространение, — США, странах Центральной Африки и Западной Европы. — *Авт.*

КОРРЕСПОНДЕНТ. Сейчас уже полдень. Ощущаете ли вы непреодолимую потребность принять новую дозу?

МАРТИН. Пока нет.

БРИГИТТА. У меня это начинается постепенно.

КОРРЕСПОНДЕНТ. У вас есть деньги на новую порцию?

МАРТИН. Хватит, чтобы купить каждому по дозе. Когда у нас появляется немного денег, мы стараемся создать небольшой запас.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Сколько наркотика вам требуется каждые сутки?

БРИГИТТА. Мне — не меньше грамма. Я делю его на три-четыре порции.

МАРТИН. Я делаю то же самое.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Сколько это стоит?

БРИГИТТА. Один грамм сейчас стоит триста марок. Так что нам двоим каждый день требуется шестьсот. Восемнадцать тысяч в месяц.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но вы оба безработные. Никогда не обучались никакой профессии. Получаете пособие, если не ошибаюсь, по семьсот марок в месяц. Где же вы берете деньги на наркотики?

МАРТИН. Одно время я воровал, но потом бросил, потому что часто попадался, и только благодаря поручительству не сижу за решеткой.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Где ты воровал?

МАРТИН. Чаще всего в продовольственных магазинах. Заходил, брал бутылку спиртного, прятал ее под куртку и выходил. И так — из одного магазина в другой, пока не наберу десять бутылок. За них можно получить у перекупщика сто марок.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Ну, а ты, Бригитта?

БРИГИТТА. Я обычно хожу по улицам привокзального квартала. Когда замечаю подъезжающую машину, подхожу с какой-нибудь шуткой и, перекинувшись двумя-тремя словами, предлагаю себя за пятьдесят марок — либо в машине, либо в ближайшей дешевой гостинице.

Вот такая вот мешанина из наркомании, воровства, проституции. Шанс заразиться сразу подскакивает: перед вирусом открывается не один, а много путей. И для многих наших наркоманок панель — тоже один из способов раздобыть деньги, коих немало требуется.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Ты не боишься СПИДа?

БРИГИТТА. Безумно боюсь. Поэтому вступаю в половую связь только с предохранением. Правда, есть у меня два-три клиента, которые отказываются от этого, но их я уже знаю несколько лет и испытываю к ним некоторое доверие. Впрочем, я уже проверялась два раза на СПИД и заставляла проверяться мужчин. Пока, слава богу, все спокойно.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Когда ты в последний раз проходила обследование?

БРИГИТТА. В прошлом месяце.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Ты всегда пользуешься чистым шприцем и иглой или, случается, бывшими в употреблении?

БРИГИТТА. Я пользуюсь только одноразовыми шприцами.

Про презервативы и одноразовые шприцы — это обычно для красного словца говорится. Дескать, вот какие мы

аккуратные. На деле нет этой аккуратности. Почти половина западногерманских наркоманов, употребляющих героин, заражена СПИДом. Свыше двадцати тысяч зараженных мужчин и женщин занимаются проституцией.

Вадим Валентинович Покровский, заведующий лабораторией СПИД ЦНИИ эпидемиологии Министерства здравоохранения СССР, вспоминал, как на него напустились, когда он посоветовал где-то в печати наркоманам стерилизовать шприц перед каждым уколом. Как! Вместо того чтобы бичевать наркоманов, вы им даете инструкцию, как правильно вводить наркотики! Будто одно другому мешает. Если наркомания существует, не искореняется пока, надо принимать ее как факт, не кликушествовать, а постараться сократить попутные беды.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Зарабатываешь ли ты нужную тебе сумму!

БРИГИТТА. Не всегда. На панели все труднее продержаться. Многие мужчины боятся заразиться СПИДом. Кроме того, есть проститутки, довольствующиеся очень низкой платой и сбивающие цену остальным...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Знают ли твои клиенты, что ты наркоманка!

БРИГИТТА. Нет, не знают. Стоит мне сказать, что я ввожу себе героин, они больше не придут.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но ведь они могут заметить это по твоим рукам.

БРИГИТТА. Я делаю себе уколы внутримышечно, так что на руках у меня нет следов.

У нас наркоманы в основном эксплуатируют вены. Эксплуатируют нещадно. Точно это не собственные кровеносные сосуды, а какие-нибудь резиновые шланги. Когда выходят из строя вены на руках (рубцуются, зарастают, суживаются), в дело идут вены ног, шеи...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Все же ты выглядишь не вполне здоровой.

БРИГИТТА. Да, я действительно худею. Кто давно меня не видел, говорит, что я здорово изменилась к худшему. Я и сама это замечаю.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Каким образом все могло зайти так далеко!

БРИГИТТА. В четырнадцать мы с подругой начали курить гашиш. Это было еще в школе. Иногда в одном притоне нам давали и кокаин. Когда я познакомилась с Мартином — это было семь лет назад,— у меня еще не было какого-то одного наркотика.

МАРТИН. Да, мы тогда курили главным образом гашиш, и нам этого было вполне достаточно.

БРИГИТТА. То, что мы перешли на героин,— это моя вина. В дискотеке на Реепербан, где я обычно покупала гашиш, я познакомилась с одним типом. Он мне сказал: «Погоди, я тебе дам кое-что получше». Это был белый порошок. Я тотчас почувствовала, что он произвел на меня совершенно необыкновенное действие, и тут же купила еще.

МАРТИН. Это было три года назад. С тех пор наша жизнь — на

конце иглы. Конечно, действие героина уже совсем не такое, как вначале...

БРИГИТТА. Да, больше не удаётся достичь того кайфа, это давно прошло. Теперь я ввожу наркотик лишь для того, чтобы усмирить приступы отчаяния и ярости.

Наши начинающие наркоманы дистанцию от сигареты до шприца преодолевают стремительно. Тут никаких случайных встреч в дискотеках не требуется. Правда, все признают: в последние годы нет уже того «ассортимента», как десять-пятнадцать лет назад. Сказываются принимаемые меры.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Есть ли в вашей жизни что-нибудь, кроме наркотика?

БРИГИТТА. У меня — ничего. Я либо иду на панель, либо сплю, либо сижу в комнате и смотрю в стену.

МАРТИН. С тех пор как я не ворую, я почти все время лежу в комнате и жду, когда же, наконец, придет Бригитта и принесет выручку, чтобы можно было купить очередную порцию героина.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Как ты относишься к тому, что она занимается проституцией?

МАРТИН. Конечно, мне неприятно. Меня тошнит от этого. Но когда думаешь об очередной порции наркотика, забываешь обо всем другом.

Наркотики они покупают в дискотеках, ночлежках, борделях. Что им там продают?!

Без сомнения, и у нас рост дефицита и цен рождает у торговцев наркотиками неодолимое желание «химичить» и ловчить. Я уж не говорю о токсикоманах, у которых в дело идут растворители, пятновыводители, кремы, пасты. . .

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вы не боитесь, что под видом героина вам дадут что-то не то?

БРИГИТТА. Такая опасность есть. Некоторые перекупщики смешивают героин со стрихником. Я однажды попалась на этом. Меня тогда скрутило прямо в туалете.

МАРТИН. Подруга одного моего знакомого недавно умерла после укола. Купила что-то на пятьдесят марок, ввела себе, уснула и не проснулась.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Завтра то же самое может произойти с вами...

МАРТИН. Да, я всегда ощущаю страх, ведь я ввел себе столько героина, а с ним крысиного яда и еще черт знает чего.

БРИГИТТА. Я говорю себе: если это случится, будет совсем неплохо. Не надо ничего будет делать, чтобы достать деньги на наркотик. Наконец наступит покой.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вы не пробовали ввести себе большую дозу?

БРИГИТТА. Пока нет. Смелости не хватает. И потом боимся, что не умрем. А после будет еще хуже...

КОРРЕСПОНДЕНТ. Благодарю вас за беседу. Что вы сейчас намерены делать?

МАРТИН. Самое время принять очередную дозу.

БРИГИТТА. Мне нужен сейчас только мой порошок, больше ничего.

После этого интервью, наверное, Бригитта и Мартин на какое-то время были обеспечены порошком. Надо полагать, журнал щедро заплатил им за откровенность.

Впрочем, надо отдать ему должное, «Шпигель» делает доброе дело, регулярно печатая материалы с предупреждением об угрозах наркомании, проституции, СПИДа. Пожалуй, как ни одно другое издание.

«По-видимому, наиболее благоприятны условия для размножения вируса СПИДа в организмах, иммунная система которых отягощена и ослаблена — в Африке из-за паразитов, хронического недоедания и венерических болезней, прежде всего сифилиса, а в Европе и Америке из-за употребления наркотиков».

«Среди населения США и Европы четко выделяются контингенты, заболеваемость СПИДом среди которых особенно высока. Это гомосексуалисты-мужчины, наркоманы, вводящие наркотики внутривенно, реципиенты крови и гемофилики.

В США гомосексуалисты составляют 73 процента больных СПИДом, наркоманы — 17 процентов...

В Европе среди больных европейцев сохраняются те же пропорции основных контингентов риска».

«В США число заболеваний СПИДом, возникших вследствие заражения инфицированными иглами, достигает 17 процентов, а возможно, и превышает эту цифру (так как раньше гомосексуалистов, злоупотреблявших наркотиками, выделяли из категории наркоманов и причисляли к гомосексуалистам)».

«По имеющимся данным, более 85 процентов наркоманов в городах Америки заражены вирусом СПИДа».

«В Эдинбурге (Великобритания) исследователи установили, что вирус СПИДа был занесен в среду местных наркоманов (вводивших героин в вену) примерно в августе 1983 года. К марту 1985 года половина их уже была заражена».

* *
*

Тридцать третье наркологическое отделение семнадцатой московской горбольницы. В отделении восемьдесят коек...

— Желающих вылечиться тут процентов пятьдесят, — аттестует заведующий, Назаров Владимир Владимирович, свое отделение. — Хотя не у всех, конечно, получится. У других пятидесяти — желание продолжать. Из них двадцать пять процентов вообще не считают себя больными. Они считают, что здоровы, это их образ жизни. Что они здесь делают? Отлеживаются...

...Георгий З. Тридцать семь лет. Этакий солидный мужчина. Интеллигентного вида. Очки. Мог бы за учителя сойти. Или инженера. Научного работника. На самом деле — фельдшер. По образованию. А по работе — парикмахер. После выясняется: фельдшером работал совсем недолго. Парикмахером — два года. Тоже дело давнее.

Он полагает: главное, чего от него ждет журналист, — чистосердечного раскаяния.

— Жизнь прожита... Что остается? Только себя казнить... И соответственно — задуматься... Как это отразится на потомстве.

Но задумываться поздно. Семнадцатилетний сын Георгия — токсикоман.

— Профессий было много... И все непосредственно связаны с добычей этого дурмана...

Москвич. Вырос на Смоленском бульваре. Знакомые места. Повспоминали.

— Там все и началось... Весь этот кошмар...

Интересуюсь, при каких обстоятельствах он начал. Отвечает педантично:

— Вы имеете в виду что — одноразовый прием или... Наркомания подразделяется, как вам известно... Одна сигарета, несколько таблеток или инъекция...

Похоже, он собирается прочесть мне лекцию.

— Началось все где-то в пятнадцать лет, когда пошел работать. Работал я в институте Склифосовского. Работал с животными, с собачками. Там вводили морфин. ...Нет, к инъекциям я тогда не пристрастился. Мы устраивали аукционы, обмены ампулами. Были для этого места.

Говорит он медленно, тяжело, негромко, словно экономя силы на сотрясении воздуха.

— ...Там выбирали себе гашиш. Несколько сортов было. Все зависит от стоимости, конечно. Это был шестьдесят шестой год... Милиция с нами абсолютно не связывалась, наоборот, в некоторых случаях доходило до абсурда: я заявлял, что я наркоман, мне нужна доза, и ко мне вызывали «скорую» сделать инъекцию.

Так в ту пору боролись с наркоманией.

— Да, заявляли: «У нас наркомании нет. У нас есть душевнобольные». Вы это сами хорошо знаете...

Много раз Георгий был на принудительном лечении. При этом успешно симулировал шизофрению: вместо зоны попадал в психиатрическую больницу.

Фельдшером не проработал и трех месяцев. Украл кокаин, и, как он говорит, «поперли».

Кроме наркотиков, у него была еще одна страсть — «дипсомания». Запои. С этим злом он боролся опять-таки с помощью наркотиков. Клин клином...

Колоться в шестьдесят седьмом — шестьдесят восьмом начал... Уже не помнит точно когда. Все смешалось.

— В основном вводил опиаты[1]. А что еще было вводить? Промедол.

Георгий перечисляет наркотики ностальгически мечтательно.

В конце концов, как говорит, дошел до ручки. Печень разрушена. Инвалидность. Цирроз. В последнее время вводил всякую аптечную муть. Наркотик — если удавалось. Но все меньше и меньше... Сейчас наркотики «грязные». Мало того что «грязные» — дорогие. И становятся все дороже.

— Да, раньше, в детстве, я помню, мак жгли на огородах. Он был не нужен. А сейчас стакан такого мака стоит сто рублей. Да еще поискать надо. Мало того, и там умудряются и откраивать, и все такое... И развести, и обмануть... И делают из него опий, от которого трясет. Человек, который не подготовлен, может просто отъехать... Уж извините, я говорю так откровенно...Сыграть в жмурки может.

В речи Георгия мирно уживаются интеллигентный строй и жаргонная начинка.

Сколько денег ему нужно на наркотики? Вполне искреннего ответа не жду. Деньги требуются немалые, и сразу же на язык просится другой вопрос: где они добываются?

— Раньше, лет пять назад, нужно было рублей сто в день. Сто с лишним. После чуть поменьше. Пока не начался этот ажиотаж с маком. Пока не стали обрабатывать поля гербицидами... А сейчас мне хватает пятьдесят рублей, — заключает он скромно.

Пятьдесят-то рублей — в день!

Впрочем, другие потребности у наркоманов в самом деле скромные. Все у них сосредоточено на наркотиках.

— Так вы что — снизили норму?

— Не то что я снизил... Организм снизил... Все-таки стал бояться смерти... Вот... — заключает он свою речь неожиданно простодушно.

---

[1] Имеются в виду наркотики, получаемые из мака.

Поздно он стал бояться смерти. Врачи говорят — недолго ему осталось...

— Очень болит печень... Печень стравлена, печень погублена. При разрезе она будет хрустеть — цирро... Рыжего цвета. Сколько я их видел. Никогда не думал, что у меня будет то же самое.

Это Георгий хорошо знает. Работал санитаром в морге. Уверяет, что это и сейчас основной его калым — заморозка трупов.

— Заморозкой я занимаюсь всю жизнь, — продолжает Георгий. — Раньше в энергии был, двинуться было легче. Два-три вызова в день. Такси, бывало, не отпускал. Худо-бедно двести рублей имеешь. Что-то, если разобраться, можно и отложить про черный день. Никаких жалоб на меня не бывает. Даже летом на три-четыре дня морозил. Знаете, летом каково? Там же каждый участочек прочувствуешь... Пальпируешь его... Глицерин и формалин — аккуратненько все.

Врач, вижу, мне делает знаки, мотает головой. После поясняет: выдумки все — не способен более Георгий ни к какой работе.

Семья его давно развалилась. Сын, правда, последние годы жил у него.

— Все-таки присмотр нужен. Семнадцать лет парню.

Лучше бы не было этого присмотра. Лучше бы он где-нибудь в другом месте эти годы проживал.

Сын залез в чужую квартиру. Был пойман. Сейчас на психиатрической экспертизе.

Обо всем этом Георгий рассказывает все тем же медленным, вялым голосом. Ровным, без оттенков. Без всяких эмоций. Будто не о своем сыне.

О токсикомании сына он отзывается как о чем-то несерьезном. Как о какой-то шалости, за которой не углядел участковый.

— Ну, собирались там десять мальчишек в подвале... Шестой-седьмой класс... Самый такой возраст... можно сказать, детский. А участковому это все было «до фонаря». Участковый пил... Потом ушел. И ушел не куда-нибудь, а замом начальника вытрезвителя!

— Т-а-а-к! Значит, участковый виноват, что ваш сын стал токсикоманом, — говорит присутствующий при нашем разговоре врач. — У вас, значит, полное алиби?

— Ну почему? — спохватывается Георгий. — Я, конечно, виноват... В первую очередь.

Полная его бесхарактерность, помимо прочего, проглядывает в абсолютной неспособности возражать, стоять на своем. Вот он уверяет, что у него шизофрения: с этим диагнозом он не однажды был в психиатрической больнице. Врач возражает: нет у него шизофрении — его ведь сняли с учета. Он охотно соглашается, что «придуривался». В другой раз начинает рассказывать, что цирроз печени у него от водки, а не от наркотиков. Врач опять не согласен: наркотики тоже вносят свою лепту, среди наркоманов цирроза печени не меньше, чем среди алкоголиков. Георгий и здесь легко дает себя уговорить: да, и от наркотиков тоже...

Токсикоманию у сына он заметил года два назад.

— Было ему лет пятнадцать, наверное. Прихожу раз домой — он сидит, включил музыку, темнота... Мне это уже подозрительно, когда музыку слушают в темноте. Темнота — это большое дело. Значит, что-то тут не то. Он, кстати сказать, равнодушен к алкоголю... Так вот, темнота. Я вижу только очертания его. Он меня не видит, сидит, голова запрокинута. Я резко свет включил. Он ко мне поворачивается и смотрит сквозь меня. Знакомый взгляд. Слава богу, я всю жизнь их вижу. Спрашиваю: «Ты что принял?» — «Да я, да мы...» — «Ладно, — говорю, — ты только мне ля-ля не трави. Надышался, что ли?»— «Да». Они надышались тогда. «Я, — говорю, — сейчас тебе как врежу! Мерзавец! Чтоб это было последний раз!» Что толку им говорить!

В самом деле, что толку. Если сам отец — наркоман.

Он и тут соглашается:

— Да, я ему о чем-нибудь толкую, а он мне: «А ты?» Я ему: «У нас детство было другое...» — «Какое другое? Чем оно отличается?»

Да, у поколения Георгия рассказы про «другое детство» уже не проходят. Не было уже ни войны, ни послевоенной голодухи...

Наркотики он принимает вдвоем с подругой.

— Есть у меня подруга. Старая подруга-наркоманка. Но у нее пунктик: после каждого приема она все швыряет и бьет. Кричит: «Это в последний раз!» А утром, когда у нее начинается «ломочка»... Это «ломкой» называется, — поясняет Георгий,— абстинентный синдром, так сказать... Так вот, когда «ломка» начинается, она принимается себя ругать: «Я такая, я сякая...» Самобичевание, никому не нужное...

— Да брось ты ее! — советует ему молоденькая девушка-врач, приехавшая на стажировку из Краснодара.

— Как же ее бросишь! Кто же ее поднимет? — После добавляет: — И кто меня поднимет?

За всю нашу беседу это — самое человеческое.

После лечения многие наркоманы начинают сызнова. Спрашиваю: что, тяга неодолимая?

— Не то что тяга — какой-то дискомфорт душевный.

— А вы в этот раз удержитесь, когда выйдете из больницы?

— Ничего не могу сказать... — честно признается. — Подруга продолжает колоться... Причем весьма интенсивно, мне донесли. Если ее класть, она может что-нибудь с собой сделать, у нее были суицидальные попытки[1]. Они из нее так и лезут...

В отделении есть специальный стенд — как уберечься от СПИДа. Он, однако, наркоманов не интересует.

— Вот если бы висело, как изготовить какое-то новое зелье! — машет рукой Назаров.

— Да, там разговоры только о кайфе, — подтверждает Георгий. — А СПИД там никого не интересует. Представления об асептике самые элементарные: взял шприц, промыл... чаем некипяченым... и поехали! Какой там СПИД!

Не действует и довод, что за рубежом болезнь уже широким махом косит наркоманов.

«Для французских наркоманов свободная продажа шприцев, введенная совсем недавно (мера против распространения СПИДа через общий шприц.— Авт.), пришла слишком поздно. От пятидесяти до восьмидесяти процентов из них уже являются носителями вируса. Как же воспринимают они сообщение об этом!

— Равнодушно,— говорит молодой психиатр из больницы Фернан-Видаль в Париже.— Тем, что они колются, они уже играют со своей жизнью, так что жизнь других им решительно безразлична.

С ним согласна и Софи Шимаре, биолог из Пастеровского института:

— Многие из них, пришедшие в консультацию, чтобы сдать кровь на анализ, не возвращаются за результатом. Другие, узнав, что они инфицированы, обещают прислать к нам своих подруг. Но мы никогда этих девушек не видим...

В больнице Шарль-Фуа работает врач Жан-Флориан Мететаль. Он консультирует наркоманов из южных пригородов Парижа — Иври, Витри, Тиэ, Вильжюиф. Врач с ужасом рассказывает:

— Их средний возраст — пятнадцать с половиной лет. Все они заражены...»

---

[1] Попытки самоубийства.

...Федор Ч. Ему тоже тридцать семь. Человек «серьезный»: два раза сидел. Один раз залез в квартиру. Другой раз — в больницу, за наркотиками. По специальности — плотник. Держится очень почтительно. Польщен вниманием. Отвечает односложно. На многосложные ответы его не хватает.

Когда совершил в тот раз квартирную кражу, унес вещей рублей на пятьсот. Спрашиваю, на сколько дней этого ему хватило.

— Ну, по тем годам... Цены были более приемлемые... Что-то на неделю... Может быть, чуточку больше. Сейчас, конечно, многое изменилось, — он вздыхает.

То был семьдесят первый год.

— Ну, это, наверное, у вас была не первая кража? Так, между нами... Просто попались?..

— Возможно, да, — отвечает он уклончиво. Просто отрицать такую возможность ему не позволяет долг вежливости.— Обычно судят не за то, что ты воруешь, а за то, что попадаешься.

Немного времени понадобилось начинающему наркоману, чтобы отправиться в колонию.

— Большинство наркоманов становятся на такую дорогу?

— Я думаю, большинство. Это моя точка зрения. Наркотик нужен каждый день, а зарплату ты получаешь два раза в месяц.

Из беседы с начальником Главного управления уголовного розыска, напечатанной в «Известиях»:

«Мы провели исследование: сколько наркоманы тратят денег в месяц на приобретение зелья.

2 процента из опрошенных тратят в месяц 20 рублей, 6 процентов — от 20 до 50 рублей, 8 процентов — от 300 до 500 рублей, 22 процента — от 1000 до 3000 в месяц. Ясно: даже самые состоятельные люди, попавшие в наркотические сети, моментально разоряются и готовы идти на преступления, чтобы достать новые деньги на новые наркотики».

В среднем наркоманы совершают сорок тысяч преступлений в год.

Вернувшись в Москву, опять попал в ту же компанию. Правда, она уже намного сузилась. Многих не осталось даже в живых. Есть такие, что тоже сидели. Есть — просто-напросто отказались от наркотиков. Обзавелись семьей.

— Я приветствую это, конечно...

Сам он семьей не обзавелся.

— Не получилась у меня семья. Была одна знакомая

девушка... Больше внимания мне уделяла в компании, чем другим... Но так и не получилось...

— Значит, с другими наркоманами вы сейчас мало общаетесь?

— Да, можно сказать, почти ни с кем не общаюсь. Сейчас молодежь... Совсем другой путь держит... И не подхожу, можно сказать. А старых... Если они остались, то буквально единицы.

Наркоман-отшельник. «Старик», переживший свое время. Не приемлющий «племя младое, незнакомое».

Про СПИД знает, хотя среди наркоманов никаких разговоров об этой болезни не слышал, ничего по этому поводу сказать не может.

«СПИД является проблемой, которая в наибольшей степени волнует сейчас среднего американца. К такому выводу пришла организация «Конференс борд», анализируя результаты проведенного ею опроса общественного мнения...

В списке наиболее острых социально-экономических проблем по совокупному показателю на первом месте оказался СПИД (84,1 процента). Большинство — 61,7 процента опрошенных — назвали эту болезнь самым серьезным из всех стоящих сейчас перед страной вопросов.

На втором месте — распространение наркомании в США (также 84,1 процента, но самой серьезной эту проблему назвали 57,4 процента)...»

«В Нью-Йорке насчитывается примерно 200 тысяч наркоманов, вводящих наркотики внутривенно. Из них от 50 до 60 процентов заражены вирусом СПИДа...»

...Александр Л. — бывший московский хиппи. Интеллигентный парень. Костлявый и лохматый, все знающий, все понимающий с полуслова. Предупредительный, хотя и несколько иначе, чем Федор Ч. Не по-солдатски.

Двадцать восемь лет. Учился в одном из технических вузов. Покинул его прямо перед защитой диплома. Почему? Отвечает бесхитростно — из-за наркотиков.

Без наркотиков он оказался как раз накануне защиты. Начались «ломки». Не пошел на защиту. Потом достал, но испугался идти... Так и бросил. Работал конструктором со справкой о незаконченном высшем. После — грузчиком...

Так наркотик ломает жизни. В любой фазе может поломать.

Живет с матерью.

— Были потуги создать семью. Но все это порушилось.

— Не пыталась ваша подруга вам помочь?

— Я не знаю, что это было — помощь или не помощь. Она на это смотрела не как на болезнь, а как на блажь... Многие ведь не понимают, что это такое. Из-за этого, в общем-то, разлад и произошел. После этого разлада я вообще пустился во все тяжкие.

В начале восемьдесят пятого получил срок. В заключении он не принимал наркотиков. После...

— С пропиской было тяжело... С работой... Встретил старого приятеля... Опять все это началось.

— Невозможно этому противостоять? — я всех спрашиваю об одном и том же.

— Возможно, возможно... Только вот надо как-то найти себя... Работу найти...

Спрашиваю, где он достает деньги на наркотики. Самый щекотливый вопрос.

— Ну, здесь своя система... Что-то поменял, что-то продал, что-то купил... Крутимся... На это уходит, в общем-то, все свободное время.

Колется Александр вдвоем с подругой. С приятельницей.

— А в компании — там очень тяжело... Во-первых, много народу. Отношения... Один что-то куда-то спрятал... Не хватает... Из-за этого ссоры, драки... До исступления дело доходит. Каждый хочет что-то у другого урвать. Это почти везде. Утомительно для психики. Правда, в компании наркотик купить легче. Да и то в больших компаниях сейчас не особо разгуляешься. Во-вторых, места, где собираются большие компании, обычно на учете в милиции. Милиция часто приходит проверять. Так что кайф там не в кайф. Все время ощущение тревоги: надо уходить.

Обычный вопрос: есть ли разговоры о СПИДе?

— Стараемся не говорить об этом... Забывается... О СПИДе, о заражении крови, еще там о чем-то... О гепатите... Не говорят, не думают даже...

Не говорят — одно, а не думают — другое...

— Да, забывают, в общем... Удовольствие превыше опасений.

«Доктор Грош-Вернер получила сообщение: в соседней женской клинике ожидаются роды у двух женщин, больных СПИДом. Врачи этой клиники с 70-х годов занимаются оказанием помощи новорожденным, матери которых наркоманки. Поскольку известно, как быстро распространяется СПИД среди людей, употребляющих наркотики, эти женщины были подвергнуты специальному тесту. Результаты оказались положительными...

Оба новорожденных сразу после рождения были переведены в

детскую клинику. Они были возбуждены, дрожали, их ножки и ручки тряслись — так проявились симптомы отсутствия наркотика, к которому они привыкли в материнской утробе.

Вирус СПИДа обнаружился и у них».

«В клинике Шарлоттенбурга (ФРГ) в 1985 году наблюдалась 51 беременная женщина, инфицированная вирусом СПИДа. Треть из них была инфицирована половым путем, две трети составляли наркоманки».

«В США более 70 процентов детей, больных СПИДом,— это дети матерей-наркоманок, вводивших наркотики внутривенно».

— А сейчас не собираетесь бросить? — спрашиваю я Александра.

— Да у меня выхода другого нет. Хватит уже... Сколько можно... Надо жить как-то иначе.

— Сам наркоман со стажем практически бросить не может,— после говорит Назаров.— Без нашей помощи. Но наша помощь — полдела. Вторая половина — вне нашего поля зрения. Где ему работать? Как ему адаптироваться? Не срабатывает этот механизм. А этим людям тоже нужно жить.

* *
*

Когда я впервые пришел в отделение Назарова, он разбирался со своими пациентами по поводу очередного ЧП. Кто-то пронес в отделение гашиш. Подсунули его парню, не однажды судившемуся, для которого этот подарок, будь администрация менее разборчива, был бы чреват последствиями (сам он о подсунутом свертке, естественно, не ведал ни сном ни духом).

— Когда наркоманом становится подлец, — говорит Назаров, — подлость его многократно возрастает. Если человек подлецом не был, он подлецом не станет. У него, конечно, добавятся какие-то отрицательные качества — лживость, безответственность, еще что-то... Но подлость подлеца, пристрастившегося к наркомании, увеличивается стократ.

Не знаю. Не уверен, что так. Думаю, наркотик способен растлить любую душу.

Не так давно на лечение сюда поступил Василий Л., тридцати лет, как говорится, без определенных занятий. В его отсутствие на квартиру к нему явился его приятель-наркоман. Позвонил в дверь. Дома — мать Василия. Спрашивает: «Кто?» — «Саша. Принес кассету... Брал у него...» Та открыла. Приятель сына бросился на нее, прижал к

2 Заказ 5535

стенке, придавил шею железным прутом... Так было совершено убийство. Все ради того, чтобы унести видеомагнитофон. «Электронику». Тысяча двести рублей цена.

Самое интересное, однако: сын убитой, узнав о случившемся, был удручен не столько смертью матери, сколько пропажей аппаратуры. Когда ее нашли, горе как рукой сняло.

Кто же, спрашивается, подлец? Только ли убийца?

Все смещается в представлении наркомана. Все жизненные ценности. Великое и малое меняются местами.

— Наркотик — как дьявол, — говорит Назаров. — Он берет в руки человека. Человек делается его рабом. Вся его жизнь становится направленной на одно — где достать, как достать. Кто может достать, тот мил. Круг связей постепенно меняется. Потихоньку уходит на задний план все, чем он раньше дорожил, — семья, работа... Все это уже не нужно...

— Наркотик — это капкан, неведомо кем поставленный на человеческом пути. Человек сует туда голову. Капкан захлопывается.

— Чем опасна наркомания? Вот этой «заразностью». И очень быстрым привыканием. Иногда достаточно одной-двух проб, чтобы человек стал наркоманом.

— Это хоть не вирус, не микроб, но зараза...

Он взволнованно ходит по кабинету и сыплет, сыплет мне на голову, что накопилось у него за годы работы с наркоманами.

— Начинают кто с чего. Подростки могут достать лекарства одурманивающие, не наркотики, — применяемые в психиатрии, неврологии, успокаивающие, снотворные.

— Наркоманы не знают меры. Поставь ведро — они будут колоться, пока не исколют все. Контроль за количеством полностью утрачен. Как только фаза острых ощущений кончается, а возбуждение остается, ему хочется добавить.

— Сейчас главная опасность в том, что это может стать таким же бедствием, как получилось с алкоголизмом.

— Продают это все дорого. Черный рынок — дорогой. Стакан молотого мака стоит сто рублей. Если мак опийный, масляничный, настоящий, где двадцать процентов алкалоидов, — полторы сотни. Этого хватает на день. Давайте посчитаем, сколько им надо на месяц. Есть ли у нас такие зарплаты? По-моему, даже в кооперативе не заработаешь. Если учесть, что наркоманы в основном не-

работающие люди, встает вопрос, где они берут эти деньги. И насколько это опасно для общества.

Сто-двести рублей в день... Обычному человеку трудно помыслить о таких деньгах. И это ведь не какой-то особый день, помеченный на календаре. Каждый-любой, каких триста шестьдесят пять в году. Триста шестьдесят шесть — в високосном. Когда задаешь наркоману вопрос, где он достает такие деньги, — ответ, мы видели, уклончивый: «Крутимся...» Откровеннее отсидевшие срок: «Залез в квартиру...»; «Залез в больницу...». Тут уж скрывать нечего. Вина оплачена годами жизни, бесполезно растраченными в зоне.

— Да, некоторые сами готовят, но ведь за маком надо ехать на юга́. Это опасно... Все эти поля сейчас охраняются... И провезти надо сюда, обработать...

Милиция приспособилась ловить торговцев наркотиками. Есть обученные собаки. Сотрудник прогуливается по перрону с такой собачкой. Подходит поезд откуда-то с южного направления. Собачка залаяла возле какого-то чемодана. Открывают чемодан — там мак, там гашиш... Теперь приспособились и наркоманы — доезжают до какой-то станции неподалеку от Москвы, пересаживаются на электрички, выходят где-то на окраине города, берут такси...

— Некоторые уверяют: наркотик им не мешает... работать, учиться... Не верьте. У разных наркотиков действие разное. Опийный наркоман «на дозе» выглядит нормальным человеком. Нормально мыслит, работоспособность у него сохранена. Но как только кончается действие наркотика, так у него сразу вялость, слабость, разбитость. Зрачки расширяются, начинается озноб... Конечно, он может выйти в туалет, уколоться, но все это до поры до времени — дальше наступает изнашивание организма, преждевременное старение. К сорока годам он выглядит дряхлым стариком. А с учетом того, что самодельные наркотики особо токсичны, они могут и не дожить до сорока... Наркоманы старше этого возраста вряд ли существуют...

Эти слова Назарова вспоминал я, беседуя с наркоманами, приближающимися к роковому рубежу.

— Интерес к работе исчезает быстро. Интерес появляется к другому.

— У меня лечились хирурги, лечились врачи-онкологи... Какое-то время они еще могли работать «под кайфом», но очень недолго.

Никто из наркоманов, с кем мне приходилось говорить, нигде подолгу не работал. А особенно на какой-то серьезной работе.

— Очень часто смотришь анкету: высшее образование. Кем работает? Грузчик. На самом деле он числится грузчиком. Чаще всего он нигде не работает.

— Со временем действие наркотика прекращается. Для достижения того же эффекта его требуется все больше.

— Когда кончается наркотик, начинаются звонки: где есть и почем. Причем торговцы наркотиками бывают крайне жестоки, в долг не дают. Приходит, звонит в дверь. Первый вопрос: «У тебя деньги есть?» Тот говорит: «Сейчас нет, завтра будут». — «Когда деньги будут, тогда и приходи». И вот он корчится на лестничной площадке. У него и рвота, и боли в животе. И мышцы сводит...

— Если наркомана не выявить, не остановить, он неизбежно на преступный путь станет. Ему другого не дано. Где взять деньги? Женщины часто на панель идут. Мужчине надо по кошелькам, по карманам ударять... Мошенничество распространено. Квартирные кражи, разбойные нападения...

Помню, одна знакомая рассказывала: в Нью-Йорке в турпоездке их предупреждали, чтоб во время прогулки держали наготове десять долларов — на случай, если нападут наркоманы; замешкаешься, не дашь хотя бы на дозу — запросто могут убить. Как бы и мы к этому не пришли...

— Многие уже наказаны — за воровство, за грабеж... Но я считаю: уголовное наказание и за хранение наркотиков дома, за употребление тоже оправдано. Потому что рано или поздно это толкает на преступление.

Я тут не согласен с Назаровым. Нельзя наказывать человека, который еще не совершил преступления, а только может совершить.

— Мне приходится общаться с людьми, отбывшими наказание за наркоманию. Оно не прошло для них даром. Выйдя оттуда, он все же ведет себя осторожней. Боится опять туда угодить. У него уже нет той активности в поисках наркотиков. Разве что кто-то угостит... Из бывших друзей. Потом он под контролем. Он на учете и в милиции, и в диспансере. А иногда тюрьма и зона просто спасают от смерти людей. Не арестуй его вовремя, — он мог бы от передозировки скончаться. В притонах, где их задерживают, они валяются вповалку — наглотавшись, исколовшись...

* * *

Еще несколько пациентов из клиники Назарова.

...Евгений З. Рослый красивый парень. Историю свою рассказывает нехотя. Два года прослужил в Афганистане. Участвовал в боях. Несколько раз был на волосок от гибели. Получил орден. К концу второго года стал вспыльчивым, раздражительным. Тогда и попробовал наркотики, благо достать их в Афганистане было нетрудно.

Вернувшись в Союз, пристрастился к наркотикам. Сам он не может сказать, что послужило причиной — пресная жизнь, рутинная, неинтересная работа (в институт он не поступил) или каждодневное напряжение предыдущей жизни. В отделении — уже четвертый месяц...

...Валентин С. — сын военного атташе в одной из стран. Окончил технический вуз. Однако работа инженера его не устроила. Поступил в иняз. Окончил и его. Стал работать в «Интуристе» переводчиком. Увидел, что можно зарабатывать гораздо больше, работая гораздо проще, — официантом, например. Перейдя на эту работу, поставлял иностранцам проституток. В его телефонной книжке было десять-пятнадцать телефонов. Звонил, вызывал. Деньги появились в избытке. Захотелось чего-то такого, этакого... Стал принимать наркотики.

...Вадим П. Тридцатипятилетний бородач, пользующийся среди наркоманов непререкаемым авторитетом.

Настроен решительно — «завязать». Хотя еще недавно, прошедшим летом, совершал рейды за маком — и по Подмосковью, и в более отдаленные места. Харьков, Орел, Киев, Николаев, Днепропетровск...

У Вадима тоже печень разрушена. Язва желудка.

Женат. Двое детей. Сын и дочь. Страшно боится, как бы они не узнали... Редкий случай, когда не утрачена «критика», как говорят врачи.

Две судимости. Обе — за наркотики. Работал шофером. Министра возил. Тогда и попался первый раз. После слесарем... Тоже неплохо зарабатывал — за триста. Но для наркомана это, считай, ничего... Последние годы не работает.

— Доза-то, она нарастает постепенно... Чувствую: не могу уже работать... Утром встал — мне нужен наркотик, в обед — обязательно наркотик. А вечером — уже так принять... Чтобы интересно было жить.

Жизнь в самом деле интересная: человек в возрасте, глава семейства, не несет ни копейки в дом; все на жене, все на жене...

Но это, конечно, не главная беда.

Вадим из тех, кто покупке наркотика предпочитает добычу. «Натуральное хозяйство». Мак дорогой. Да и достать невозможно.

— Знаете, как белка грибы и шишки запасает на зиму, так я запасался этим маком.

С каждым годом запасаться, однако, все трудней и трудней. Некоторые поля уничтожили. На других усилили охрану. Засеяли низкорослыми сортами: невозможно укрыться, все видно с вышек, с вертолетов... На дорогах повсюду посты ГАИ.

— Не попадались?

— Если бы попался, не сидел бы тут перед вами...

В который раз уже во время этих разговоров слышу я о трудностях с добычей наркотиков. С одной стороны, хорошо, с другой... Потребность-то не уменьшается. В такие моменты и появляется на горизонте мафия. Организованная преступность. По всему раскладу, должна она проклюнуться. И доносятся вести — появляется, проклевывается в наркотическом дурманном облаке.

Вадим — человек решительный. Решившись на лечение (жена, правда, тут тоже сыграла роль, в этом решении), он уничтожил все с таким трудом добытое... Тысяч на пять, как он говорит...

— Оставил лишь столько, чтобы дойти до отделения, чтобы меня не «ломало»...

«Ломки» начались в больнице. Длились пятнадцать дней...

Тоже в своем роде героизм.

Впрочем, где был этот героизм двадцать лет? Ближе к сорока многие спохватываются. Когда выбора уже нет. Поздновато.

У Вадима как раз тот случай, о котором уже была речь: плохие вены на руках...

— И в ножные вены колют... И в шейные, и в височные... Даже под язык. Где только есть вена. Каждый наркоман знает, какая вена у него работает. Какая пропустит, какая затромбирована. Видите, что осталось от вены... Она сжигается...

Он показывает мне руки.

Я этого всего не понимаю. Говорю честно. Это выше моих понятий. Если мне предстоит взятие крови из вены,

я жду этой процедуры с ужасом. Памятуя еще о том, что сестры у нас не умеют этого делать. Не попадают. Прокалывают вену насквозь. Редкая сделает аккуратно. Помню, одна так дотыкалась, что со мной случился обморок...

Для наркомана это все семечки.

— Они это делают прекрасно, — говорит Назаров. — Вот тут недавно пытались поставить капельницу. Ставил врач, который раньше работал в реанимации. Вроде бы должен уметь... Вены у наркомана плохие. Врач ковырял-ковырял и доковырял до того, что наркоман разозлился, вырвал иглу, взял руку вот так наискось, — показывает, — зубами перетянул жгут и «в обратку» точно попал. В маленькую, тоньше спички, вену. «Вот, — говорит, — как это делается, доктор, посмотрите!»

Иногда врачи просят наркоманов помочь поставить капельницу их товарищам.

— Боль от укола ради наркотика — это для наркомана не боль. И в то же время другой боли он не переносит. Если ушибется, сломает ногу, он весь изноется. Любая больница с ним замучается. Или аппендицит, прободная язва — он весь персонал замучает...

...В одной из компаний Вадим подхватил гепатит: там оказался человек, переболевший этой болезнью.

— Я кололся четвертым... И все равно заразился...

Что ж тут удивительного? Вирус считать не умеет.

— Мысль прокипятить шприц не приходит в голову?

— Вы понимаете... Обстановка такая... На тебя посмотрят, как на сумасшедшего, если ты об этом заикнешься... Просто как-то нерезонно, несолидно. Разговор один: «Давай, давай!» и «Быстрей, быстрей!».

Мало того, что Вадим сам заболел, — заразил жену и дочь...

Первыми колются те, у кого хорошие вены. Чтобы не задерживать.

— ...Поскольку у меня вот их нет, — я иногда по два часа сижу и колюсь. Вы понимаете? Чтобы сделать один укол, — два-три часа... Доходило даже до того, что разбивал шприц. Уже не выдерживал: весь шприц в крови...

Два часа — это, конечно, когда человек колется в одиночку.

— В компании быстро все разложат, найдут вену и кто-то другой уколет... Сам я в шею себе не могу, конечно, попасть... Или в висок...

Вопрос вроде как анкетный: что слышно о СПИДе, есть ли разговоры в их среде?

— Да, сейчас страшно... Разговоры идут... — отвечает Вадим. — Но понимаете, в чем дело... Все на группировки разбиты, и внутри каждой все знают, кто чем болел, кто что перенес, кто с кем общается...

У каждого своя успокоительная легенда. Только бы не смотреть правде в глаза.

«В дюссельдорфской университетской клинике умерла женщина от СПИДа, наркоманка, и ее дочка Анна, которую положили в больницу вместе с матерью, осталась совсем одна. Администрация клиники не знала, что делать: отец девочки неизвестно где, родители матери были не в силах взять на себя такую ношу. Неизвестно, что было бы с тяжело больной девочкой (она не может ходить, говорить), если бы ее не взяла к себе сорокашестилетняя женщина, как-то раз оказавшая помощь ее матери...

В мюнхенской детской больнице тоже возникла такая проблема, когда там появилась девочка, у которой никого не осталось на всем белом свете. Ее мать, наркоманку, зараженную СПИДом, подобрали на улице без сознания. Рядом с ней играла на асфальте трехлетняя Мелания. Доктор Белорадский нашел супружескую пару, которая по религиозным соображениям готова была взять девочку с вирусом в крови на воспитание. Через неделю, однако, Меланию снова сдали в больницу. Ее приемные родители хорошо справились со своими обязанностями, но они не смогли справиться с предрассудками своего окружения.

О Мелании стали заботиться в больнице — настолько, насколько позволяло время сестрам и врачам. Но у них сердце обливалось кровью, когда они видели, как ребенок отправлялся искать маму и хватался за руки матерей других детей, чтобы идти с ними «домой».

Прошли месяцы, прежде чем нашлись новые приемные родители, которые увезли ребенка в далекую Баварию. Но в небольшом городке, где все про всех все знают, их встретили отнюдь не с распростертыми объятиями. Начальник окружного управления воспротивился приезду девочки, заявив, что его округ должен «оставаться чистым». Пришлось вмешаться профессору Белорадскому, который направил ему письменный протест, объяснив, что болезнь не заразна. Врач пригрозил обратиться к премьер-министру, если власти и дальше будут чинить препятствия пребыванию девочки в округе».

Спрашиваю Вадима: как он считает, молодежь, тут в отделении, в больнице, настроена бросать?

— Вы знаете, едва ли... Одни разговоры только — эфедрон, эфедрон, эфедрон... Формулы, вычисления, как легче приготовить.

Вот где химию учить! Только смертельна эта химия.

* *
*

...Один из этих самых молодых, загадочных и неведомых. Металлист-рокер...

(Назаров сожалеет, что не может показать мне «фашиста»... Выписался.

— Да, у того фашистские знаки по всему телу, даже погон наколот эсэсовский... На пляже ему лучше не раздеваться... Такая символика и на руках, и на груди... Но этот тоже, я вам доложу...)

Вячеслав Д. Двадцать три года. Работал в универмаге. Сейчас не работает. Курил гашиш в туалете. «Вычислили»...

— У них там мода такая — все пьют...

— Пить можно, а гашиш курить нельзя?

— У них такая политика. Я хожу, мне весело, а у них голова с похмелья болит. Стали прижимать, с лотка сняли...

Сидел. За пьяную драку, за сопротивление властям... Разговор с ним, однако, не убеждает, что замена водки наркотиком благотворно повлияла на его буйный нрав. На груди у него из-под майки виднеется наколка: череп с костями и надпись «Heave Metal».

— «Metall», — говорю, — пишется с двумя «l».

— Это по-немецки, а по-английски — с одним.

Образованные ребята.

— Ты покажи, что у тебя на правом плече, — говорит Назаров.

Вячеслав закатывает рукав: орел со свастикой в когтях и три буквы «К» с аккуратными точками — «К.». Еще одна иноземная надпись: «White Power».

Всякую ночь я слышу треск мотоциклов у себя под окнами и всякую неделю по телевизору — разговоры о том, что рокеров надо объединить в спортивные секции.

— В Лужниках собираетесь?

— В Лужниках собираются малолетки, а люди серьезные — в других местах.

Чем моложе человек, тем охотней употребляет он это слово — «малолетки».

Интересуюсь, что за идеология у металлистов. Так кое-что слышал, но в подробностях не знаю.

— Ну, любим музыку — тяжелый рок... Боремся за свободу существования... Понимаете, у нас все принципы — анархистов. Мы отрицаем любую власть.

— Кайф не мешает на мотоцикле ездить?

— Мне не мешает. У меня ни галлюцинаций, ничего...

Впрочем, после подтверждает, что реакция теряется. Поэтому во время ночных гонок старается обходиться без наркотиков.

— Я не буду хвастаться, но меня еще ни один милиционер не догнал.

Как же, в газетах писали: милиция закупила БМВ, за секунды набирает бешеную скорость.

— Знаю я эти «тачки». Белые, с номерами «МОС». Там сзади два здоровых аккумулятора висят... Я ж не буду от него удирать по прямой — я по кустам, по кустам... И они обычно падают в этих кустах, цепляют аккумуляторами. А если перед этим накуриться или уколоться — куда я от них денусь?

— А «фашистов» нет среди ваших?

Усмехается:

— Ну, как нет! Разумеется, есть.

Насчет ку-клукс-клановской наколки:

— Это по глупости. Я когда-то был хиппи. Потом появилось движение нацистов, и они мне очень понравились.

— Чем понравились?

— По малолетству — смелостью своей и дерзостью.

Бывший хиппи состриг волосы и купил коричневую рубашку.

Увлечения проходят, а следы на груди и на руках остаются.

— Да, я уже сам не знаю, как и что. Сейчас решил «на дно» спрятаться. Завязать. Попробовать нормальный образ жизни. Посмотреть, что из этого получится.

От шприца Вячеслава уберегла случайность. В тот момент, когда все должно было начаться, когда неминуемо он должен был «сесть на иглу», — превысил порцию. Приятели предложили попробовать. Естественно, небольшой начальной дозой. Он закуражился: «Что, я водки меньше вас выпью? Колите, сколько себе!» Те и вкололи, сколько себе...

— Очухался я часов через восемь. Язык проткнут булавкой, — чтобы не задохнулся... Еще три дня в себя приходил. Не понравилось...

Надолго ли?

С девицами отношения упрощенные. Правда, Вячеслав уверяет, что в их компании у каждого своя подруга, а вот в других...

— В основном клюют малолетки. Когда они видят мою «тачку» — все блестит, орел со свастикой, все как положено, — они падают.

Только что говорил: орел — это по молодости, по глупости...

А как другие на свастику реагируют? Вячеслав начинает мне объяснять, что свастику не Гитлер выдумал —

это древний знак, существовавший задолго до Гитлера. Все верно, но мало кто из прохожих об этом знает. Для нашего народа это знак определенный. И потом орел со свастикой к древности отношения не имеет...

Опять соглашается:

— Правильно. Все эти знаки на мотоциклах у рокеров — для того, чтобы позлить окружающих.

Этого про СПИД я даже не спрашиваю. Бесполезно.

«В Западном Берлине из первых двух инфицированных новорожденных один остался в больнице. Его мать-наркоманка, не успев толком прийти в себя после родов, бесследно исчезла...»

«Одна из девочек — трехлетняя Александра — дочь наркоманки, которая в дурмане хотела забыть о том, что больна СПИДом, о своем страхе перед завтрашним днем, но заодно забывала и о дочери. Ребенок днями ничего не ел, попал в больницу и пробыл там более месяца, пока работники социальной службы не определили его в частный приют к сорокалетнему Берндту Перингу.

Еще одна питомица Берндта прожила на свете только год, но это был год, полный страданий. Мать, наркоманка, заразилась СПИДом, родила ребенка, но совершенно не была способна им заниматься. Крошечную девочку к тому же чуть не изувечил психически больной отец. Ребенка изолировали от родителей, передали Рерингу. Девочка была доведена до такого состояния, что начинала плакать, если кто-то делал резкое движение...»

«Число «ничьих детей», судьба которых омрачена нависшей тенью СПИДа, будет резко возрастать, и не только потому, что у женщин-наркоманок вирус быстрее, чем у других, разрушает ослабленный организм. Существует все больше признаков того, что эпидемия постепенно проникает туда, где нет никаких факторов риска, поражает молодое поколение, а ведь оно в основном выполняет функцию воспроизводства населения...»

Еще один из «младого, незнакомого племени». Андрей Ш. Двадцать три года. Тонкое интеллигентное лицо. Диковатый взгляд. На щеке косой шрам. Недавний.

Смеется:

— Теперь все приметы у меня налицо. Если искать будут.

Дает частные уроки лечебной физкультуры. Дыхательной гимнастики. Неплохо зарабатывает. Спрос у нас на такие дела.

Занимался штангой. Накачивал плоть. Не жалко ли, накачивая, одновременно плоть разрушать? У Андрея, однако, своя теория на этот счет. Не то что бы теория, а так, отправная гипотеза, сложившаяся у него в итоге собственных размышлений и чтения. Прочел о наркотиках все, что мог, учась в мединституте (не закончил его, правда).

— У меня интерес ко всем таким рискованным делам... — опять он дико зыркает глазом. — Захотелось посмотреть, как я себя чувствовать буду. Может, действительно сотворю что-нибудь такое... Выдающееся...

Что ж тут экспериментировать? И так известно: ничего выдающегося ни наркоманы, ни алкоголики не сотворили. Если кто и сделал что, то не благодаря, а вопреки .. Почитайте рассказ Грина «Возвращенный ад», а точнее, рассказ «Снег», написанный героем гриновского рассказа журналистом Галем Марком. Ужас утраты объемного, красочного, живого мира, паралич души художника — вот что такое этот рассказ.

Как возражение Андрей мне приводит собственный пример: впервые приняв эфедрон, он под его действием написал очень хорошие стихи.

Я прошу его прочесть, но он говорит, что не сможет на память. Стесняется, видно. Что ж тут помнить — три четверостишия?

— В первые минуты это бывает — всплеск, эйфория... — говорит Назаров. — Но после наступает истощение... Вялость... Расплата, одним словом.

— Да, — соглашается Андрей, — больше я ничего не написал такого сильного...

Андрей убежден, что он в любую минуту может бросить: никакой зависимости от наркотика у эфедронщика нет.

— Большая зависимость, — возражает Назаров.

— Психологическая...

— Нет, и физическая тоже. Астения развивается. Слабость. Конечно, у эфедронщика не такая «ломка», как опийная, но тоже... Кости, конечно, не выворачивает, как у маковых... Наоборот, все дряблое. Ноги не можете таскать... Головные боли страшные...

Для чего человек себя травит? Или в самом деле инстинкт самоубийства?

— Последствия интоксикации у него были очень тяжелые, — говорит Назаров. — Это сейчас с ним можно беседовать. А когда он появился, о такой беседе помыслить было бы невозможно. Маниакальное состояние. Пришлось применять довольно сильные препараты. Успокаивающие.

Андрей уверяет, что шприцы они стерилизуют.

— По-настоящему кипятите?

— Ну как... Кипятнули — и нормально...

Назаров показывает мне отобранный у кого-то шприц с тремя кубиками «султыги» — желтой непривлекательной

жидкости. Шприц пластмассовый, одноразовый, но наркоман им пользовался, естественно, бессчетное число раз. Грязный, замусоленный, к штоку резинкой прикреплены две обгоревшие, такие же замусоленные спички. Чтобы не шатался. Длинная кривая игла... Этой грязной иглой и лезут в сотворенные природой сокровенные каналы жизни, подмешивая туда псевдожизнь, а после — просто-напросто смерть.

«— Результат борьбы со СПИДом будет ничтожным,— считает доктор Рон Байер из Нью-Йорка,— пока люди не перестанут легкомысленно относиться к половым связям и пока не будет нанесен удар по наркомании. Лишь это могло бы затормозить распространение СПИДа».

«В прошлые годы борьба с наркоманией не смогла пресечь увлечение героином. Это редкое еще в конце 60-х годов явление превратилось ныне в явление массовое. Проводившиеся государством принудительные мероприятия с целью освободить общество от наркотиков не принесли желаемого результата. Порочный круг каждого хронического наркомана — тюрьма, лечение, новые преступления ради добычи наркотиков, торговля ими — крайне затрудняет и эффективную борьбу со СПИДом.

Необходимы действенные меры, чтобы перекрыть оба основных канала распространения эпидемии: коллективное пользование шприцами и проституцию».

«Джеймс Миллер, директор Бюро управления и бюджета, высказывает опасение: «Через двадцать лет значительная часть нашего общества благодаря СПИДу может оказаться недееспособной. В результате общество может разделиться надвое: на тех, кто болен СПИДом, и тех, у кого этой болезни нет».

Глава 2

ПОРТРЕТ ИНТЕРДЕВОЧКИ В ИНТЕРЬЕРЕ

Строя гипотезы о том, как вирус СПИДа мог выбраться на простор из глухой африканской деревушки (где, как полагают, он впервые попал к человеку от обезьяны), ученые считают: решающим, возможно, был момент, когда «по цепочке» он попал в кровь некоей проститутки. Тут уж надежды на то, что «цепочка» оборвется, не осталось. Зараженные стали быстро тиражироваться — вирусом одаривались клиенты этой проститутки, в том числе, возможно, и иностранцы. Так был впервые налажен экспорт вируса.

Немалую роль, однако, играют проститутки и в его импорте. Привечая зарубежных «гостей» (среди которых бывают и вирусоносители), они распахивают перед СПИДом ворота в собственную страну.

Наше время — время открытий. Точно Америку, открываем самих себя. Недавно вот открыли общественное явление, о котором еще несколько лет назад язык не повернулся бы сказать. Хотя, разумеется, все годы, пока мы о нем не говорили, оно, как многое другое, великолепно существовало. Ибо неназываемое еще не исчезает с лика земли от неназывания. Я имею в виду проституцию.

Конец апреля 1987 года. Около десяти вечера. Стоим с коллегой у подъезда гостиницы «Интурист» на улице Горького. Пронизывающий ветер. Падает реденький снег. Входит и выходит разношерстная публика.

Не выдержав холода, заходим в тамбур гостиницы. Здесь потеплее. Наконец, ровно в десять, как договарива-

лись, в дверях появляется капитан Шатов Александр Александрович, симпатичный молодой человек, совсем неприметный среди толпы. Днем мы виделись с ним в Управлении внутренних дел. Он «вводил нас в проблему».

Мимо швейцара, почтительно осклабившегося на нашего спутника, проходим в маленькую комнатку милиции.

Начинается парад лиц, имен, историй.

...Какая-то хохотушка в ярко-синей модной блузе с огромными плечами мелькнула в дверях и исчезла. Такое ощущение — добрая знакомая кого-то из тех, кто работает в этой комнате. Она и в самом деле знакомая. И через мгновение сотрудник милиции вводит ее, замешкавшуюся было в дверях. Зинаида С., 1956 года рождения, инженер-строитель, работница какого-то стройуправления, дама, известная здесь.

Бесхитростная и безошибочная тактика — все отрицать, глядя прямо в глаза. Отрицать, что она знакома с сотрудником милиции, который с ней беседует, что ее бессчетное число раз здесь задерживали, что бессчетное число раз она заполняла бланк объяснения, обещая больше здесь не появляться.

Впрочем, у нее в самом деле был перерыв — роды и послеродовой отпуск. Она до сих пор в нем пребывает, но уже возобновила свои занятия. Что до ребенка — это один из видов «прикрытия» от возможных неприятностей.

— Так что писать? — говорит она, все еще не остывшая от возбуждения, веселья.

— Ну что — фамилию, имя, отчество. Все сначала. Потихонечку, не спеша. Год рождения, число, месяц. А то вы не знаете, что писать.

— Конечно, не знаю. Никогда не писала.

— Пишите — во сколько пришли... С какой целью... Как швейцары вас встретили — под козырек или что спросили?

— Да кто меня чего спрашивает!..

Если вы попробуете пройти в эту гостиницу, ничего у вас не получится, швейцар вас не пустит. Проститутка проходит беспрепятственно. Потому что за вход платит.

— Так чего писать?

— Все как на духу.

— Не знаю, что у меня на духу.

За этими разговорами, перемежаемыми «Чего писать?», проходит с полчаса. Улучив минуту, я вклиниваюсь с вопросом о СПИДе — слышала ли она это слово? Зинаида

смотрит на меня насмешливо, с театральной церемонностью, пожимает широкими плечами.

— Спид? Спид... А, скорость[1]! Ускорение!

Вместе с Зинаидой привели еще одну девицу — крашеную блондинку в ярко-красном пиджаке. Софья В., 1949 года рождения, техник одного из институтов. Эта менее разговорчива, безропотно заполняет бланк объяснения («Сколько бумаги изведено!» — вздыхает Шатов) и быстро покидает милицейскую обитель.

...Статьи о СПИДе в зарубежной печати все тревожнее:

«В Кютере (Уганда) вирус СПИДа уже поразил от сорока до пятидесяти процентов жителей. Тысячи больных. Сотни лежат при смерти. Мертвых закапывают между бананами и кофейными кустами, поскольку кладбище переполнено... В больнице нет больных СПИДом: того, кто подхватил заразу, отправляют умирать домой...

Каждый боится каждого. В Ракаи находили трупы умерших от СПИДа в буше (пустыне) — люди были выгнаны своими семьями и отведены умирать подальше. Директор отеля из Киотеры покончил с собой, приняв сильную дозу крысиного яда, поскольку он не мог вынести такого положения, когда общество как бы отрезало его от себя.

В газетах открыто обсуждается вопрос, не стоит ли больных СПИДом поселить в отдельных лагерях, подобно тому, как в прошлом поступали с больными проказой. Одно из опубликованных читательских писем называлось коротко и ясно: «Заприте их в зоопарк!»

«Тяжело употреблять такие слова,— говорит Франсис Барн, французский специалист по СПИДу, работающий в Центральной Африке,— но Африке угрожает Апокалипсис».

А вот непосредственно относящееся к нашим «деловым» дамам:

«Минувшим летом при медицинском осмотре в Малинди (Кения) было проверено на СПИД свыше ста проституток. Результат: около восьмидесяти процентов положительных реакций. Иными словами, проститутки носят в себе вирус, но, за немногими исключениями, у них не заметно никаких симптомов болезни, кроме припухших лимфатических узлов.

Такие же результаты получены в соседнем портовом городе Момбаса и в столице Найроби. Подобная же картина во всех центрах индустрии развлечений в Восточной и Центральной Африке. В Киншасе, столице Заира, незараженными остаются лишь пять-десять процентов проституток».

...Валютный бар в подвале здания еще пуст. В глубине в полумраке оркестранты в русских костюмах лениво тренькают на балалайках в ожидании посетителей. Зато на третьем этаже бар полон. Почти одни мужчины. Дым коромыслом. Впрочем, приглядевшись, различаем несколько ярко одетых женщин. Наши спутники дают нам пол-

---

[1] Speed (англ.) — скорость.

ный отчет, кто они. В основном — наши девицы, вышедшие замуж за иностранцев.

Десятки «охотниц» покинули Отечество. Многие, однако, то и дело возвращаются на родную землю как иностранные туристки, занимаются тут прежним ремеслом. Одна из девиц, например, вышла замуж за французского фермера. Фермер небогатый, для пополнения семейного бюджета жена регулярно совершает вояж в родные пенаты.

Возле лифта сталкиваемся с «афганкой». Это наша проститутка, вышедшая замуж за афганского купца-эмигранта. Он живет в Париже, а эта крутится здесь. Девицы группируются вокруг нее.

— Основные события начнутся здесь после двенадцати, — говорит Шатов. — Появятся супруги Глер на своей машине...

Супруг супругу сдает напрокат.

— Так он что — отвозит клиента к себе домой? — наивно спрашивает один из нас.

— Зачем домой! — хмыкает Шатов. — На съемную квартиру. Многие сейчас даже официально снимают — через Банный переулок. Указывают там плату... А сколько они на самом деле платят, это никому не известно.

— Когда они выходят в тираж?

— Кто как...

Улицей пошли в «Националь». Это тоже сфера влияния Шатова. По дороге сталкиваемся с уличной «дежурной».

— Ну что, Рая, не пора тебе забыть сюда дорогу?

— Что вы, Александр Александрович, какие мои годы, самый хороший возраст!

— Вот вам к разговору о «тираже», — говорит мне Шатов, когда Рая остается у нас за спиной. — Пятьдесят ей скоро. С тридцать девятого года. И всю жизнь — здесь, на улице.

«Уличным» в гостиницу хода нет. Там свои.

Мы входим в бар — два журналиста и двое сотрудников милиции. Бар полон, но Шатов безошибочно останавливает свой взор на одном из столиков, за которым сидят двое мужчин и три девицы. Девицы сразу съеживаются под его взглядом.

Мне кажется неловким стоять посреди зала, и я направляюсь к стойке. Моим спутникам не остается ничего другого, как последовать за мной. За нашей спиной девицы выпархивают из-за столика и скрываются в туалете.

Вообще-то встреча с милицией им ничем особенным не грозит. Разве что клиентов за разговорами упустят.

...Мирдза К. родом из Прибалтики, но давно живет в Москве. Нештатная сотрудница экскурсионного бюро. Тридцать два года. Видно, что она «на взводе». На лице румянец возбуждения. Прежде чем что-то сказать, она делает глубокий вздох. Слова выговаривает тщательно, но акцент заметен.

— Сколько раз мы вас задерживали?

— Сейчас скажу... Три или четыре раза.

— За последний месяц?

Так Шатов всякий раз «срезает» проститутку, когда та нагло врет насчет числа задержаний.

— Мирдза Александровна, какой год вы сюда ходите?

— Четвертый, — не задумываясь, выпаливает Мирдза.

— Нет, не четвертый — с семьдесят девятого года. Начали с «Украины», с «Белграда», а потом сюда перебрались.

Без всякой связи с предыдущим разговором Мирдза вдруг начинает рассказывать историю о том, как какой-то таксист отобрал у нее деньги. Затем снова переключение темы:

— А сегодня в баре надо было не девочек ловить, а парней.

— Каких парней?

Она вновь набирает воздух в легкие и выдыхает:

— Хомосексуалистов!

— Сколько вы выпили?

— Так... Сейчас скажу... Грамм сто тридцать водки. Пить — это можно, а спать... Я аллергическая на запахи.

Никто не вызывал ее на эту откровенность.

— Сейчас мы вызовем спецмедслужбу. И отправим...

— Не надо. Свинья всегда грязь найдет.

— Да, вы находите... Мирдза Александровна, вы можете нам сказать членораздельно, когда вы перестанете сюда ходить?

С пьяным глубокомыслием:

— Не могу вам пообещать. Если пообещаю, то совру.

— Вы знаете об опасности СПИДа?

— Знаю. Я все знаю.

Она заливается пьяным хохотом.

«...В США уже умерли от СПИДа десятки тысяч человек. Считается, что сейчас полтора миллиона американцев являются носителями вируса этой болезни. Существует и другая оценка: возможно, число вирусоносителей — не менее четырех миллионов.

Пройдет лишь четыре года, и эта болезнь унесет жизнь большего числа американцев, чем их погибло в корейской и вьетнамской войнах, вместе взятых».

Ситуация в Западной Европе лишь немногим лучше: по сравнению с США события запаздывают на два-три года.

Выпорхнуло и пошло летать по свету диковинное слово — промискуитет. Промискуитет — беспорядочные половые связи. На него возлагается главная вина в распространении эпидемии.

«Коммерческий подход к сексуальным проблемам в больших городах наложил отпечаток на целые кварталы, которые превращаются в прибежище организованной проституции, секс-клубов, мужских саун и тому подобных заведений. В результате густонаселенные большие города представляют собой почти идеальную питательную среду для вируса СПИДа».

Это — о ФРГ.

«Число заразившихся СПИДом удваивается каждые двенадцать месяцев. Если в начале 1987 года в ФРГ число зараженных оценивалось в шестьдесят пять — сто тысяч, то в конце — сто тридцать — двести тысяч».

...Они любят повторять, что их профессия самая древняя. Говорится это обычно для самоободрения: среди проституток то и дело поднимается волна беспокойства, вызванная слухами, что вот-вот будет принят закон против них. Но время идет, закона нет, и беспокойство понемногу спадает.

...Из бара извлекли еще одну даму. Наталья Л. Этакая волоокая смуглянка со смоляной пышной шевелюрой. 1955 года рождения. До последнего времени работала официанткой в кафе. Сейчас, как говорит, временно не работает. По отношению к нам держится необыкновенно презрительно, всем своим видом показывая свое превосходство.

— Что? СПИД? Могу я не отвечать? Еще вопросы есть? А у вас? А у вас? Значит, я могу идти?

Не дожидаясь ответа, вскакивает с места.

У этой хорошее «прикрытие» — подруга с декларацией[1].

В этой обстановке — когда за стеной громыхает тяжелый рок, а в воздухе носятся пары взбадривающих напитков, — говорить с девицами, раздраженными тем, что их отвлекают от доходного промысла, о таких отвлеченных материях, как СПИД, — нелепо.

Мы покидаем гостиницу. Два часа ночи. Перед подъездом — пять-шесть такси с горящим зеленым глазом. Тщетно, однако, вы будете просить водителей отвезти вас до-

[1] Таможенный документ, в котором отмечается количество ввезенной в страну данным лицом иностранной валюты.

мой — они ждут своих пассажирок, с долларами и франками. Ваши рубли с копейками их не интересуют. Так что ловите машину, проезжающую мимо.

Через несколько дней мы продолжаем разговор с дамами в Управлении внутренних дел.

...Ангелина К., по прозвищу Гелла. 1944 года рождения. По специальности хореограф. Путь ее в стольный град пролег из Якутска через Кострому (вообще в корпусе московских проституток представлена вся отечественная география). Когда милиция стала допекать в связи с отсутствием прописки, оформила фиктивный брак с каким-то таксистом, заплатив ему три тысячи, и оказалась законной жительницей девятиметровой комнаты в коммунальной квартире. Впрочем, там, естественно, не живет, а снимает отдельную квартиру. Недавно эта квартира была ограблена. Ущерб значительный, но никакого заявления, однако, Гелла не подала. Не желая лишний раз привлекать внимание к своей персоне.

Милиция продолжает упорно бороться с Геллой и сейчас близка к тому, чтобы добиться через суд признания ее фиктивного брака фиктивным. Это позволило бы привлечь ее за тунеядство (нынче она как бы на иждивении своего мужа). В предвидении неприятностей, однако, Гелла поспешно оформилась подсобной рабочей на завод электровакуумных приборов, поставив сотрудников милиции перед новыми проблемами.

Разговаривать с Геллой легко. Ей не приходит в голову скрывать род своих занятий. Это большая редкость.

— Пожалуй, из двухсот проституток одна найдется, которая говорит откровенно, — поясняет Анатолий Михайлович Трещёв, начальник одного из управлений ГУВД.

Я спрашиваю Геллу, слышала ли она про СПИД. Она на секунду задумывается и вдруг радостно восклицает:

— Так ведь это же болезнь «голубых»!

— Да нет, не только «голубых».

Я показываю ей картинку из «Шпигеля». Коммерсант, совершавший поездки между Африкой и Скандинавией, имел половые контакты с женщинами. Некоторое время назад он умер от СПИДа. Все его подруги оказались инфицированы вирусом.

— А что это был за человек? — осторожно осведомляется Гелла.

— Обычный человек. Купец из Танзании. Негр.

Моя собеседница гордо вскидывается:

— Я никогда с таким не пойду!

Сотрудники милиции рассказывали нам, что основной ее «контингент» — шведы, западные немцы, японцы...

Показываю Гелле отчеркнутые места переводов зарубежных статей, где говорится о масштабах и ужасах эпидемии. Читает внимательно, но реакция неожиданная:

— Ну, знаете, у них там полная распущенность, притоны...

Забавно слышать это от профессиональной проститутки. Притоны у нас тоже есть. И распущенности хоть отбавляй.

— Так что учтите, — говорю я Гелле на прощание, — плохие времена для вас наступают.

— Очень плохие, — охотно соглашается она. — И откуда только взялся этот несчастный СПИД! Так было все спокойно.

«...Шведский моряк из Сундсвала, заболевший СПИДом, в течение пяти лет во время стоянок в портах был близок с шестью женщинами. Он смог назвать имена только трех своих интимных партнерш. Все они, не зная того, были заражены СПИДом. Одна из них успела заразить своего мужа, другая родила ребенка, больного СПИДом. Остальные три партнерши до сих пор не обнаружены шведскими органами здравоохранения — по всей вероятности, они продолжают распространять инфекцию, не подозревая об этом».

«Скандинавским эпидемиологам удалось проследить цепочку зараженных СПИДом, насчитывающую четырнадцать звеньев. Все заболевшие были гетеросексуальны[1], жили в Англии, Норвегии, Швеции и Дании. У многих из них было не более двух партнеров — зараженный СПИДом любовник и ничего не подозревающий муж».

Морализаторы, веками призывавшие к супружеской верности и прочим добродетелям, не преуспели среди человеков. СПИД походя добился этой цели.

«— Я все думаю об этой болезни, которая могла бы извести род человеческий и которая, судя по всему, принуждает всех быть более целомудренными: гомосексуалистов — прекратить свои связи, наркоманов — не употреблять наркотики, проституток — бросить свою профессию и даже супругов — не нарушать супружескую верность. Понимаешь! Добродетель, порождаемая одним лишь страхом... Чье это порождение — сатаны, человеческой глупости!..»

Это из исповеди итальянца, больного СПИДом.

Впрочем, даже страх людей не останавливает — иначе чем объяснить цепную реакцию эпидемии, геометрическую прогрессию ее роста?

— Если она даже будет знать, что некий мистер Смит — вирусоноситель, это ее не остановит. За деньги она с любым пойдет, — сказал мне А. Трещёв, с иронией наблюдая за моими попытками просветить и образовать проституток.

---

[1] То есть вели половую жизнь с лицами другого пола.

...Поступь эпидемии неслышна, следы ее невидимы:

«Тот, кто заражен СПИДом, тот со дня заражения и до самой смерти остается заразным. Он может передавать дальше смертельно опасную инфекцию, не зная об этом и не желая этого (но также и умышленно — в качестве «мести» всему человечеству). Это может продолжаться тысячу и даже две тысячи дней».

Две тысячи дней — это примерно пять с половиной лет. Некоторые считают — вирус может дремать в человеке десятилетие, даже больше. Весь этот срок человек в состоянии распространять болезнь.

«Американский солдат, проходивший службу в Африке в конце семидесятых годов, имел там связи с проститутками. По возвращении в США он женился и стал отцом троих детей. В возрасте тридцати семи лет, почти десятилетие спустя после армейской службы, заболел СПИДом и умер. Его вдова и младший, пятнадцатимесячный ребенок также больны СПИДом».

...Лидия К., 1950 года рождения. В 1980-м окончила заочно финансово-экономический институт. До того и после переменила множество профессий — художницы, стюардессы, бухгалтера, страховщицы... Полтора года как прибилась к этой.

Разговор с ней в духе сюрреализма все время крутится вокруг какого-то пропуска, который у нее будто бы отобрал в «Национале» некий сотрудник милиции («Там было два мальчика — один светленький, а другой темненький. Который темненький, у меня забрал»).

— А что за пропуск?

— Ну, «Пресса», «Пресса», — говорит она нетерпеливо, словно бы удивляясь нашей непонятливости.

— Какое отношение вы имеете к прессе?

— Ну как, я писательница.

— Член Союза писателей?

— Нет, член профкома писателей.

В конце концов выясняется — член групкома литераторов.

— А что вы пишете? У вас есть публикации?

— Да, у меня есть книги, есть статьи, все есть.

— Какие книги?

— Художественные.

— Романы? Повести? Эпопеи?

— Стихи. У меня две книги...

— Кто их издал? Когда?

Лидия называет издательства и годы издания. Тут же решительно переводит разговор на другую тему:

— Мне не хотелось бы об этом распространяться, у меня деловой разговор.

Деловой разговор — это снова о пропуске, без которого она не может заниматься творческой работой («Ну

как же — я же хожу в редакции, на выставки, на вернисажи, в театры...»).

После выясняется: никто никакого пропуска у нее не отбирал. «Отобранный» пропуск — это повод, чтобы крутиться в «Интуристе», в «Национале»...

— Что вы делаете в гостиницах?

— Ну, видите, я такой человек — беспокойный. Я не могу сидеть дома с утра до вечера. Я пишу, я реализую свой творческий потенциал. Сейчас работаю над поэмой. У меня душа требует каких-то впечатлений, эмоций.

Все правильно, все слова знает.

Отдельных книг Лидии К. мы не нашли. Нашли два коллективных сборника с ее стихами (под псевдонимом).

Милиция обращалась в групком литераторов, где состоит К. Какова реакция? Если верить ей самой, с ней провели работу: «Лидочка, это некрасиво, вы уж как-нибудь там устройте, чтобы скандалов не было».

— Хорошо, я это приняла к сведению, стараюсь на скандалы не нарываться.

— Лидия Сергеевна, вы женщина интеллигентная — писательница, литератор, — льстиво говорю я, — можно вам задать несколько абстрактных вопросов, не относящихся прямо к теме нашего разговора?

— Не знаю, — отвечает она капризно-неприязненно, глядя куда-то мимо меня. — Если это необходимо к данному вызову, — пожалуйста. Если это нужно лично вам, то я бы не желала.

Лично ли мне это нужно?

— Вы что-нибудь слышали о такой болезни, как СПИД?

— Ну-у-у, слышала, конечно. Печатали.

— Вы это к себе не относите?

— А зачем ко мне? С какой стати?

— Стало быть, вы воспринимаете это как что-то отвлеченное?

— Абсолютно... Я собираюсь замуж. У меня есть справка от врача.

— Какая справка? О проверке на СПИД?

— При чем здесь СПИД? — чуть не кричит она в раздражении.

На этом тема СПИДа исчерпана.

...Так или иначе болезнь дала о себе знать почти повсюду.

В Японии картина сходная с нашей: заболевших и умерших пока немного. Но там нет нашего олимпийского спокойствия.

«Страх перед СПИДом сковал страну. Вина в заносе инфекции

возлагается на иностранцев. Дело в том, что в январе 1987 года в Кобэ умерла от СПИДа первая японская женщина-проститутка. Жертва имела связь с сотней мужчин, но министерство здравоохранения быстро пришло к выводу, что источником заражения был иностранец — греческий матрос, с которым эта дама развлекалась шесть лет назад.

Правительство намерено предложить проект закона, запрещающий больным СПИДом въезд в Японию. Согласно этому закону, каждый турист, каждый западный дипломат должен подвергнуться тестированию на СПИД.

Ночные клубы расторгают договоры с филиппинскими девицами и отсылают их домой.

«СПИД в Японии будет страшнее Хиросимы», — говорит активист борьбы с эпидемией Кен Того».

Тысячи людей в мире — больных и вирусоносителей — ждут как манны небесной вестей из ведущих лабораторий, работающих над вакциной против СПИДа, — лабораторий Галло в США, Монтанье, Загюри во Франции... Других... Сколько говорилось в последние годы: наука и такая, и сякая... надоела, опостылела. А вот поди ж ты — клюнул жареный петух, и не на кого больше надеяться. Даже на бога.

Но вестей утешительных пока и от науки нет.

«Немного найдется в Италии мест, где бы можно было увидеть столько человеческого страдания, как на аллеях, прилежащих к Центру по выявлению и предупреждению СПИДа в Болонье. Каждую неделю люди, в крови которых обнаружен вирус СПИДа, приходят сюда, чтобы побеседовать с врачами Рикки и Костильола — получить от них необходимую информацию, совет, услышать ободряющие слова. Врачи эти играют роль санитаров, отцов, братьев, друзей.

Носители вируса имеют право на полную анонимность. Вот исповедь некоего Карло, экономиста с высшим образованием, банковского служащего:

— Тоска наваливается на тебя с самого утра и не отпускает до вечера. Никто не знает, что со мной, — я работаю, учусь, улыбаюсь, занимаюсь своими делами, так что окружающие ни о чем не догадываются.

— Многие из этих людей, — говорит доктор Рикки, — жалеют, что у них не рак. «Доктор, — говорят они, — был бы у меня рак, я мог бы поплакать на родительском плече...» У некоторых вирусоносителей болезнь начинает развиваться внезапно и протекает очень быстро: за считанные часы наступает смерть.

Молодые люди, которых можно увидеть в коридорах болонского госпиталя святого Орсолы, переговариваются едва слышно, они привыкли к молчанию: «Ничего нельзя сказать ни матери, ни отцу, ни на работе. Врачи не имеют права сообщать о нашем состоянии родным и даже беседовать с ними без нашего разрешения». Беда, если известие все же просочится наружу. «Мой друг остался без крыши над головой, — рассказывает одна девушка, тоже вирусоноситель, — его просто вышвырнули на улицу».

Единственное, на что они надеются, — на медицину, на ученых, которые «должны же найти какое-то средство от СПИДа». Но от крупнейших специалистов, работающих над созданием противоспидовой вакцины, приходят неутешительные вести».

«Главный хирург К. Э. Куп (США) заявил, что если не удастся создать вакцину против СПИДа, то к 2000 году в мире от этой болезни умрут более ста миллионов человек».

* *
*

Напомню: разговоры в «Интуристе» были у меня в апреле 1987-го. С тех пор кое-что изменилось. 25 августа 1987 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о профилактике заражения СПИДом. Согласно этому указу, человека, заподозренного в том, что он вирусоноситель, можно обязать пройти обследование. Даже принудить. Иностранца, если он откажется это сделать, — выслать из страны. Если кто-то умышленно заражает других или хотя бы создает угрозу заражения, — такой человек может быть лишен свободы на срок до восьми лет. Весьма решительные меры, впрямую, конечно, относящиеся к героям этой книги.

Наконец, в Кодекс РСФСР об административных правонарушениях была введена статья 164^2 об административной ответственности за проституцию. Меры наказания невеликие — предупреждение и штраф до ста рублей как первичная мера и до двухсот в случае «рецидива», но прежде и таких не было. Слово «проституция» вообще отсутствовало в законодательстве, словно бы ее вовсе нет на нашей земле.

...И вот мы снова перед гостиницей «Интурист». Конец октября. Одиннадцатый час вечера. Наш провожатый тот же — капитан милиции Александр Александрович Шатов.

В милицейской комнате «Интуриста» непривычно пусто. Здешних «кадровых» проституток потеснили из гостиницы. Но это совсем не победа. Шатов устало рассказывает, как нынче, спустя полгода, обстоят дела. К плюсам можно отнести и то, что постоянных девиц в гостиницах поубавилось и что контроль на СПИД худо-бедно удалось наладить — теперь проституток можно направлять на обследование на законном основании, указ тут сыграл свою роль. Минусы? Есть и они. Девицы, естественно, никуда не делись, перебрались в рестораны и кафе за пределами гостиниц. Некоторые из этих обителей уже обрели известность по Москве как места встреч проституток с клиентами. Есть среди них и кое-какие недавно открытые кооперативные кафе. Там девицам даже легче дышится, нет такого контроля, как здесь.

Увеличилась толпа осаждающих гостиницы уличных девиц. Какие-то совсем незнакомые юные лица. Многие приезжают из Подмосковья, из других городов. По хол-

лам, по этажам бродят сутенеры — лохматые парни, умеющие выговаривать: «Ду ю вонт ту мит э гёл, сор?»[1]

...В зарубежной печати тревога по поводу СПИДа все нарастает. И цифры пугают, и многое другое:

«С каждым годом число больных СПИДом удваивается. (При этом официально больным считается только тот, кто находится на последней стадии заболевания.) В начале октября 1986 года Всемирная организация здравоохранения впервые получила за одну лишь неделю сообщения о тысяче новых заболеваний СПИДом. Что касается носителей вируса, об их истинной численности можно лишь строить догадки...

Согласно самым осторожным оценкам, в ФРГ, например, ежедневно прибавляется сто носителей вируса СПИДа. При стопроцентной «болезнетворности» и такой же смертности все они преждевременно умрут».

...В милицейской комнате в «Национале» расположилась на диване стайка девиц, запорхнувшая в гостиницу со стороны проспекта Маркса (а исходный пункт их путешествия в этот вечер — ресторан «Арагви», где они и подхватили клиентов). Эти помоложе здешних «кадровых». Валентина, Елена и Юлия — шестьдесят первого — шестьдесят второго года рождения (тоже, правда, не девочки, есть и более юные). Особняком, молчаливо держится Раиса. Эта на десяток лет старше. Не поймешь, из их ли она компании или прибилась где-то по дороге.

Те трое трещат без умолку. Чувствуют себя весело и непринужденно, кокетничают с сотрудниками милиции. Мой коллега считает, что они сильно пьяны, мне же кажется — только слегка. Встреть я их где-нибудь в компании, ни за что бы не додумался, каково их занятие. Девицы как девицы. Валентина — гравировщица, даже место работы называет. Остальные уверяют, что временно не работают. Юлия — повар. Елена — без специальности... У каждой есть ребенок — на попечении родителей.

Всякий вопрос встречается общим взрывом веселья.

— Как, до Московской области докатился слух об указе? (Они из подмосковного Раменского района.)

— О каком указе?

— Об ответственности за проституцию.

Переглядки и смех:

— А разве есть у нас она?

— Не штрафовали вас ни разу?

---

[1] «Не хотите ли вы встретиться с девицей, сэр?» (англ.).

— По какой статье?
— Сто шестьдесят четвертой.
— Что это?
— Это самое. Торговля телом.
— Впервые слышим о такой статье.
— Нет, в самом деле есть такая? Или вы нас разыгрываете? — подступает к Шатову Юлия, самая бойкая из девиц.
— А как у вас здоровье? — вступаю я в разговор. — Ничего не беспокоит?
— О! Вы знаете, здоровье ни к черту. Тут болит, там болит, — перемена темы вызывает новый приступ веселья. Для двадцатипятилетних, пышущих румянцем девиц здоровье — тема чисто теоретическая.
— Вам бы надо провериться на СПИД.
— И-и-и-и! — Валентина взвизгивает с притворным испугом. — А что, и СПИД у нас есть? Ой, как страшно!
Ничем их не проймешь.
— А как провериться? — снова Юлия выступает вперед. — Может, в самом деле...
— А вот я сейчас вызову машину, — Шатов берется за трубку, — и отвезем вас.
Предложение насчет машины встречается дружным протестом:
— Не надо! В следующий раз! Мы все здоровы. Посмотрите, какие мы здоровые.
Все остается по-старому.

Группы риска по-прежнему остаются катализаторами эпидемии: «У пятидесяти процентов западногерманских наркоманов положительная реакция на СПИД. В Западном Берлине бесконтрольной проституцией занимаются не менее 1600 женщин — эта цифра была предоставлена средствам массовой информации сенатом. Сколько мужчин заразят СПИДом в 1989 году эти женщины! Три тысячи! Десять тысяч! Еще больше!

Пять миллиардов человек живут сейчас на Земле. Прошлым летом ЮНЕСКО сообщила, что в ближайшие тридцать лет численность населения Земли вновь удвоится. В поле зрения этих ясновидцев явно не попал СПИД... «С проблемой перенаселения покончено», — говорит профессор Ганс Дитер Поле, главный врач западноберлинской больницы имени Рудольфа Вирхова. В инфекционном отделении этой больницы теперь каждую неделю умирает один больной СПИДом. За весь 1983 год здесь умерли только двое».

...Основную работу с девицами должны вести по месту жительства. Из милицейской комнаты «Интуриста» летит в район бумага, а уж там обязаны принять меры, какие сочтут нужными.

С Жанной К. занимается Зоя Николаевна Фадеева, инспектор по делам несовершеннолетних 109-го отделения милиции. Ее подопечной — шестнадцать лет.

— Уж и не знаю, может, я где-то в чем-то недорабатываю, — говорит нам Зоя Николаевна. — Может быть, вы мне что-то подскажете?

Что же мы можем подсказать?

Зоя Николаевна искренне переживает за свою подопечную. Но сделать тут что-либо трудно. Путь Жанны к ее нынешней роли был прямым, как стрела. Уже в двенадцать была она замечена и за куревом, и за выпивкой... И порнографию в школу приносила. Интересовалась. Когда ей было четырнадцать, на их с подругой пути возле метро «Сокол» повстречался некий восемнадцатилетний допризывник, сын художника. Он пригласил их к себе домой (а они охотно последовали) и продержал до утра.

Жаннина мать, продавщица винного магазина, подняла было шум насчет растления малолетней, но допризывник пообещал жениться на дочке после возвращения из армии, и дело кончилось миром.

Неизвестно, правда, давал ли он такое же обещание подруге.

Тогда-то Жанна и попала в поле зрения Зои Николаевны:

— Я потому ее и поставила на учет, что мне не понравилось, что она знакомится на улице с посторонними гражданами.

Что ж, вполне основательная причина.

Учет, однако, не помешал Жанне сделаться профессионалкой.

Первое время союзницей Зои Николаевны в борьбе за нее была ее мать.

— Так вот, когда она боролась за нее первое время, — говорит Зоя Николаевна, — она закрыла ее в ванной, привязала к батарее и стала бить. Тогда я побежала ее выручать, потому что это же не метод. Мы ни разу в жизни ударить ребенка не имеем права, говорил Дзержинский.

В дальнейшем, однако, матери понравилось, что Жанна приносит деньги, импортные вещи. Зоя Николаевна потеряла союзницу.

...Наука приучила нас к оптимизму: есть яд — будет и противоядие. В случае со СПИДом не все так просто:

«Пока нет никаких оснований надеяться на прививки против СПИДа. Первые попытки таких прививок, проведенные на обезьянах,

повсюду окончились неудачей. «В лучшем случае могут быть получены вакцины, обеспечивающие лишь кратковременную и недостаточно надежную защиту, какая, например, создается прививками против гриппа», — полагают западногерманские специалисты по СПИДу профессора Эйлке Бригитте Хелм и Вольфганг Штилле.

Что же касается лечебных средств... «Лечить СПИД мы не сможем... Это теоретически невозможно» (Хелм). Спасительного шприца с каким-нибудь пенициллином, увы, не будет».

...— Я ей говорю, — продолжает наш разговор Зоя Николаевна:— «Пойми, Жанна, ты же позоришь себя и других девушек. И здоровье твое в опасности». И что я ей только не говорила... Все напрасно.

— Зоя Николаевна, вот мне что интересно, — вскидывается до той поры молчавшая Жанна. — Почему вы говорите: ты позоришь других девушек? Я ничем их не позорю! Меня ни разу ни с какими мужчинами нигде не забирали. Ни разу! Ну, гуляю я по улице — какой я вред кому делаю? Никакого! Ну, правильно, я должна быть дома в девять часов...

Время от времени, когда Жанна от чего-либо приходит в раздражение, Зоя Николаевна ее осаживает:

— Жанна! Ты пойми: у нас с тобой разговор творческий!

Непонятное слово «творческий» действует охлаждающе. Оно как бы все объясняет и ставит на свои места.

— Сколько раз тебя ночью задерживали возле «Интуриста»? Ночью девочку, ночью!

Наедине с Зоей Николаевной Жанна откровенна. С нами же на всякий случай «темнит», рассказывает сказки о том, что от иностранцев ей нужны только вещи, она, дескать, у них их покупает.

...Долго считалось, что во многих странах со СПИДом все в порядке. Потом стало ясно: «порядок» объясняется плохой медицинской статистикой. Сейчас все изменилось — оценки, интонации сообщений:

«Не превратятся ли к 2000 году страны Центральной Африки в огромный морг! Не постигнет ли такая же участь Центральную Америку, Индию, Таиланд, Филиппины! Есть ли основания надеяться, что за немногие годы удастся улучшить условия жизни в тропическом поясе — условия, способствующие распространению СПИДа!

Вирус СПИДа наиболее успешно распространяется там, где царят нужда, разврат, проституция, парамедицина. Там, где нет возможности соблюдать правила гигиены, где скученность, многодетность, неграмотность. Там вирус СПИДа пощадит лишь немногих — тех, кто по каким-то причинам длительное время соблюдает моногамию: смена сексуальных партнеров — основной фактор распространения вируса СПИДа».

...Днем Жанна спит. Ночью, в три часа, берет такси, подъезжает к «Интуристу». Садится в первую попавшуюся машину, закуривает, ждет клиента. Расплачивается с водителем тот, кто «снимает» проститутку. Клиента Жанна предупреждает, что ей шестнадцать и что держать ее следует не более трех часов. Так сказать, выговаривает профсоюзные льготы. Пригласить ее могут в гостиницу, на квартиру, на дачу...

— И как ты не боишься ехать ночью одна неизвестно куда, неизвестно с кем? — спрашиваю я.

— А она говорит: в случае чего я заявлю милиции, что он меня изнасиловал, — поясняет Зоя Николаевна.

Работает она чаще всего одна, лишь иногда с подругой.

Зоя Николаевна несколько раз посылала ее на психиатрическую экспертизу. Там признают ее нормальной.

...Во всем мире деятели здравоохранения не находят нужным приукрашивать картину, придерживаться осторожности в выражениях. Видимо, не тот случай.

«СПИД — катастрофа глобального масштаба, — говорит д-р Хальфдан Малер, генеральный директор Всемирной организации здравоохранения. — Я не знаю убийцу более беспощадного, чем СПИД». Американец Роберт Галло, одним из первых выделивший вирус СПИДа, считает, что некоторые страны находятся под угрозой настоящего геноцида, истребления своих народов. Руководитель американского ведомства здравоохранения — главный хирург Эверетт Куп вычислил, что СПИД унесет больше человеческих жизней, чем чума в средние века.

Во время проходящих сейчас бесчисленных симпозиумов по проблеме СПИДа эксперты рисуют друг другу апокалиптические картины, сравнимые разве что со сценариями глобальной атомной войны. СПИД, говорят ученые, имеет все шансы вызвать величайшую катастрофу в истории человечества: эпидемия унесет больше жизней, чем все войны, вместе взятые, больше, чем экологические катастрофы и вспышки голода в нашем столетии; она не пощадит ни одну страну, разом покончит с демографическим взрывом и вызовет на всех континентах беспрецедентные в истории экономические и другие катаклизмы».

...Жанна мечтает выйти замуж за иностранца. В женихах уже перебывали граждане Нидерландов, Греции, Мали... Сейчас эту роль играет представитель дружественной соседней Финляндии, она уверяет, что беременна от него.

— Чем тебе не нравятся наши ребята? — искренне недоумевает Зоя Николаевна.

— Не нравятся, — угрюмо насупившись, говорит Жанна. — Они наглые. Им бы только нажраться да с гитарой шляться по подъездам.

Зоя Николаевна добивается отправки Жанны в спецПТУ («Только это может ее спасти»), но на пути встает какое-то крючкотворство.

Сейчас вот еще одна преграда — беременность (разумеется, Жанна пошла на нее сознательно, чтобы не ехать в места не столь отдаленные).

— Как ты умоляла Сазонову, чтобы тебя не направляли в спецПТУ! И плакала, и чуть на колени не вставала. Она поверила тебе. А ты? На третий день — у иностранца!

— Не была я у иностранца, Зоя Николаевна! Не была я у иностранца.

— Жанна! Мы ведем с тобой творческий разговор. И говорить надо честно!

Дух Сазоновой — какой-то работницы просвещения — витает над нами, пока мы ведем эту беседу в милицейской комнате, как дух высшего судии, отличающего праведников от грешников.

— Жанна, а вот сейчас СПИД — очень опасная болезнь... Неизлечимая... — снова вступаю я в разговор.

— Знает... — машет рукой Зоя Николаевна.

— Ты не боишься заболеть?

— Вы знаете, которые сейчас иностранцы приезжают, когда их выпускают, их же там везде проверяют.

Если бы так.

...Несколько лет назад я написал о «ядерной зиме». Думал тогда — ничего страшнее уже не будет. Ошибался.

«СПИД годится для любых жутких прогнозов. Даже — о конце света. Уже настраиваются на этот лад первые религиозные провозвестники Апокалипсиса. В журнале «Нойер Цайтальтер» можно прочитать: «С помощью смертоносного вируса истерзанная земля очистится от людей». А кардинал Ретцингер вещает: «Не следует говорить о божьей каре, это защищается сама природа».

К концу каждого тысячелетия панический страх перед концом света всегда достигает апогея, теперь для этого есть особые причины...

Вирусу СПИДа остается лишь научиться летать. Пока еще этот смертоносный вирус передается в первую очередь через кровь и другие жидкости, содержащиеся в человеческом организме, но так будет не всегда. СПИД работает с большим размахом. В миллионах человеческих организмов он воспроизводится миллиардами и при этом непрестанно изменяет свои формы. Если повелит злой рок, он изменит и свои свойства.

Если бы вирус СПИДа мог передаваться от человека человеку без телесного соприкосновения, как, например, вирус насморка или гриппа, нам всем рано или поздно пришел бы конец. И только на очень далеких островах и в необозримых просторах Сибири выжили бы разрозненные группы людей. Вновь наступил бы каменный век...»

* *
*

Первые раскаты грома грянули в сентябре 1988 года: в Ленинграде от СПИДа умерла двадцатидевятилетняя Ольга Г. В истории этой обращает на себя внимание не только личность умершей, ее принадлежность к группе риска, но и действия медицины, ее полная беспомощность: СПИД так и не был распознан при жизни Ольги.

Внешне Ольга вела вполне приличный образ жизни. Работала, училась. На учете в милиции не состояла, хотя однажды была задержана в ресторане «за приставание к иностранцам» — формула, используемая милицией в отношении валютных проституток. Еще соседи жаловались: много посетителей... Когда после смерти Ольги принялись выявлять ее связи, встали в тупик: телефонной книжки у нее не было. Она обладала уникальной памятью, а потому записями не пользовалась. Поместили ее портрет в «Ленинградской правде» с просьбой к тем, у кого с ней были контакты, откликнуться. Соседи подтвердили, что «легкий» образ жизни она вела около десятка лет. Были среди ее посетителей финны, итальянцы, африканцы...

Не очень ясно, конечно, насколько мы вправе публиковать при таких обстоятельствах портрет человека. Думаю, не вправе.

Теперь насчет медицины, насчет того, что медики прозевали СПИД.

— Диагностикумов мало, диагностикумы плохого качества... — сетовали ленинградские врачи, с кем я разговаривал по горячим следам событий.

Все это так, но не только в этом дело.

К врачам Ольга стала обращаться с 1985 года. Хронический тонзиллит, температура, сухой кашель... В том году было несколько обращений, все по поводу простудных заболеваний... В 1986-м — то же самое: тонзиллит, ангина, фолликулярная ангина... Но уже появляется герпес — лихорадка вокруг рта. С февраля 1988-го — кашель с мокротой. Краснухоподобная сыпь. Она уже сама просит, чтобы ее посмотрели специалисты.

— Ну ладно, 1985-й мы не будем брать, тогда мы еще мало знали о СПИДе... Но когда в 1986-м у нее появилась СПИД-ассоциированная инфекция, это должно было насторожить врачей, — говорит Виолетта Кировна

Пригожина, доцент кафедры инфекционных болезней Ленинградского института усовершенствования врачей.

Поразительно: только в 1988 году Ольга обращалась в поликлинику двадцать три раза! Это до момента госпитализации. И при таком количестве обращений ее толком ни разу не проконсультировали, ни разу не показали инфекционисту.

Наконец ее госпитализировали в Первый медицинский институт с диагнозом «пиелонефрит под вопросом»... И опять-таки — «хронический тонзиллит, хронический бронхит»... Это произошло в середине августа. Пробыла она там до конца месяца. Чувствовала себя более или менее сносно. Потом усилился кашель, появились одышка, налеты на слизистой... Только тут впервые догадались взять кровь на СПИД: в пищеводе, в желудке обнаружились изменения, характерные для этой болезни. Анализ, однако, провели неудачно — он дал отрицательный результат. Ее перевели в клинику глубоких микозов. Здесь у Ольги стала стремительно развиваться дыхательная недостаточность.

— Нам прислали сыворотку крови на проверку, — рассказывает Покровский. — Мы проверили, обнаружили антитела. Попросили, чтобы приехал сам пациент. И тут выясняется, что пациента уже нет в живых...

Что же, СПИД протекал у этой женщины как-то не так, атипично, как говорят врачи? Да нет, все было очень похоже. Потеря веса, например. Врачи не обратили на нее внимания.

В заслугу себе ленинградцы ставят, что они все-таки не утаили этот случай. Примеры утаивания в самом деле известны, по крайней мере за рубежом.

«...Нередки случаи, когда врачи, из соображений собственного престижа, а также желая избавить семьи умерших от неловкого положения, скрывают истинную причину смерти. Когда в мае 1986 года умер художник-модельер Перри Эллис, многие считали, что его смерть была следствием заражения СПИДом, однако официальной причиной смерти был назван вирусный энцефалит. По мнению Центра по борьбе с болезнями, отчеты о численности госпитализированных пациентов, больных СПИДом, бывают занижены порой процентов на десять, а негоспитализированных — даже более того».

— Я думаю, что и наши сограждане умирали от СПИДа уже не однажды, — говорит Покровский. — Просто это не устанавливалось. А тут, в ленинградском случае, вылезло шило из мешка...

4 Заказ 5535

Глава 3

ЖЕРТВЫ ОДНОПОЛОЙ ЛЮБВИ

Впервые СПИД был обнаружен в США у гомосексуалистов. Какое-то время считалось даже, что это их специфическая болезнь. Позже, однако, выяснилось: СПИДу подвержены и все прочие люди. Все же среди гомосексуалистов болезнь распространилась стремительнее, чем среди других людей. Сказались некоторые особенности их жизни: частая смена партнеров, неразборчивость в их выборе...

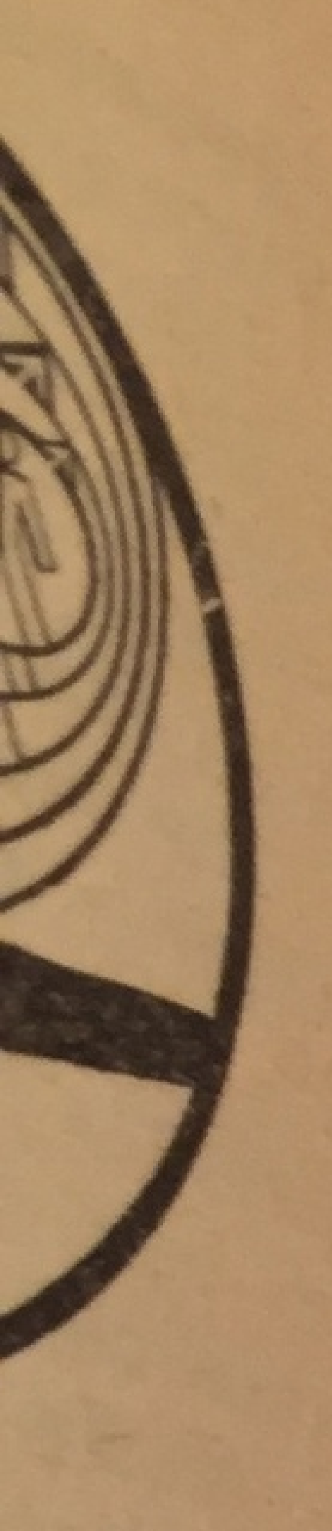
Говоря об этой группе риска, я вовсе не хочу навлекать громы и молнии на людей, ее составляющих. Но — риск есть риск. СПИД не позволяет благодушествовать. И сами гомосексуалисты, и общество, в котором они живут, должны принять незамедлительные меры, чтобы свести риск к минимуму.

В «Литературную газету» пришло письмо:

«На страницах вашей газеты поднимаются различные проблемы, касающиеся разных сторон жизни как страны в целом, так и отдельных людей. Но об одной проблеме, о которой я хочу рассказать, наша пресса стыдливо умалчивает.

Я мать троих детей, женщина, и мне очень трудно писать об этом, но и молчать тоже нелегко. В таких вопросах советчиков не найдешь, не с кем и поделиться, не у кого спросить, как жить дальше, что делать.

Хочу рассказать о своем сыне Игоре. В детстве он мне не доставлял никаких хлопот. Рос послушным и способным мальчиком. Может, даже слишком послушным и добрым. Чуткость, отзывчивость, мягкость души стали его основными чертами характера и в последующей жизни. Он очень болезненно переносил обиды (незаслуженные), всякую несправедливость, терпеть не мог жестокости, насилия. Такие черты характера и определяли круг его общения.

Закончил школу с отличными оценками, отслужил в армии. Затем поступил в институт, закончил его с отличием. Постоянно выполнял различные общественные поручения. Всегда был активен, жизнерадостен, эрудирован, общителен. Легко находил контакт с людьми. Они всегда к нему тянулись. Но, сказать по правде, близких друзей у него не было. Уже на старших курсах и тогда, когда он работал в НИИ, его часто охватывали хандра, чувство одиночества. Я начала ему говорить, что пора обзавестись семьей, привести в дом жену. Но он уклончиво отвечал, что еще рано, что он не готов к семейной жизни, что хочет посвятить себя науке и все в таком роде. Я и не настаивала. Он был очень самостоятелен и особых беспокойств не вызывал. Не курил, домой являлся вовремя, спиртным не увлекался. Может, только малость выпьет на праздники и по случаю. Я даже ни разу не видела его пьяным.

Поступил в аспирантуру, закончил. Работа над диссертацией приближалась к защите. Целыми днями пропадал в институте. Кроме основной работы, читал еще лекции, постоянно был загружен общественной работой. Приняли в члены КПСС. Так незаметно ему перевалило за тридцать.

И тут — как гром среди ясного дня! Меня вызывают в РОВД не то как на допрос, не то чтобы я узнала, кто есть на самом деле мой сын. Оказывается, один из его знакомых попал в кожвендиспансер с венерической болезнью. При выяснении контактов он назвал моего сына и рассказал, что был с ним в гомосексуальной связи.

Начались допросы, очные ставки. Игорь не выдержал и хотел покончить жизнь самоубийством. Его спасли. Я плакала, просила, чтобы он остался жить хотя бы ради меня. И он пообещал мне это. Исключили из партии. Уволили с работы по статье. Закончилось следствие. Следователь состряпал дело на 20 листах. Все, что мог, туда наплел. Ведь знал, что никуда не пожалуешься, будешь молчать, если хочешь, чтобы меньше людей знало. На суде, если это можно назвать судом, никаких оправданий не слушали, присудили ему год заключения.

Когда я подошла к прокурору и сказала, что будем жаловаться и подавать апелляцию, он ответил: «Что ж, жалуйтесь, если вам не стыдно», а потом добавил, что он такую мразь вообще расстреливал бы.

Не скажу, что я испытываю симпатии к такому явлению. Но я мать, и мне, может, еще больше жаль такого ребенка. Ведь потом он мне рассказал, что это влечение исходит помимо его воли. Что по-другому он не может. Не оттого, что он испорчен, извращен, а оттого, что это его потребность. И если он даже будет жить на безлюдном острове, все равно другим он не станет.

Через год Игорь пришел из заключения. В настоящее время он рабочий. Он остался таким же добрым и чутким, не злым к людям. Но это все равно уже не тот человек. Мы, родные, близкие, соседи, к нему относимся по-прежнему. Пытаемся делать вид, что ничего не произошло, все забыто, все осталось в прошлом. Но он-то знает, что на самом деле это не так.

Должностные лица нет-нет да и упомянут где-то на собраниях — вот, дескать, недосмотрели, проник в наши ряды. А что проник! Когда за них тянул работу на своих плечах, когда работал над их диссертациями, когда его пихали на все мероприятия, чтобы себя освободить, тогда они все ему льстили, заискивали. Он был для них незаменимый человек. Но что люди, бог им судья!

Я хотела узнать, что же это — болезнь или действительно преступ-

ление. Литературы по этому вопросу так и не нашла. Только узнала, что таких людей немало. Что к ним отношение особое. Но почему так! Разве нельзя иначе! Почему наука еще не сказала своего объективного слова по данному вопросу! Надеюсь, что кто-то из ученых выскажет свое слово на страницах вашей газеты.

С уважением К.

К сожалению, по известной причине назвать своего имени и домашнего адреса не могу. Работаю экономистом, г. Одесса.

Имя сына вымышленное. Все остальное правда».

Вот такая человеческая трагедия... Такое человеческое горе...

Что ответить? Кажется, во всем мире признали, что гомосексуализм — не преступление. А у нас до сих пор статья в Уголовном кодексе сохраняется. И, как видим, действует.

Показал письмо профессору И. С. Кону. Он тоже такие письма получает, особенно много после недавнего выхода его книги «Введение в сексологию» (она выпущена издательством «Медицина» в 1988 году).

— Эта статья действительно атавизм, архаика, — соглашается он. — Кстати, после революции, до середины тридцатых, за гомосексуализм не преследовали. Этот порядок был отменен, статью восстановили в 1934 году, в знаменательное время. Ею часто пользовались, когда надо было кого-то в лагерь отправить, а других зацепок не находилось. В лагерях же ее применяли для добавки срока...

К огорчению, наша страна едва ли не единственная, где еще сохранилось уголовное преследование гомосексуалистов. Отрадно, что в проекте нового уголовного законодательства этой статьи нет.

В мире признали: у истинных гомосексуалистов тяготение к людям своего пола не есть дело свободного выбора, оно предопределено биологически или условиями воспитания в детстве. Если так — причем тут Уголовный кодекс?

Не скажу, что мне это легко понять — гомосексуализм. Но все же в человеческой общине, наверное, высшая мудрость — терпимо относиться даже к тому, что непонятно.

Да, да, терпимость — вот ключевое слово. Даже в книжке о СПИДе оно ключевое.

Терпимость, однако, — это желаемое. На деле ее нет. Даже если не поминать статью в Уголовном кодексе, неприятие и ненависть к гомосексуализму у нас сами по себе велики. Вот и прокурор, о котором пишет несчастная

женщина, будь его воля, «расстреливал бы такую мразь» (недорасстрелял, видно, в свое время). Интересуюсь мнением Кона — чем он объясняет такую нетерпимость.

— Это не только у нас. Даже там, где законодательство смотрит на гомосексуализм либерально, общественная мораль, как правило, не разделяет этого взгляда. Тут действуют очень древние запреты, инстинкты, уходящие глубоко в прошлое. У нас же они особенно сильны. Потому, вероятно, что наши люди вообще нетерпимы, авторитарны, к тому же у нас распространена любовь к морализированию. Чтобы отношение людей изменилось, требуется большая просветительская работа. Такая, допустим, какая ведется в ГДР. Но это, конечно, дело долгих лет...

Надо честно признаться: мировой разгул СПИДа не будет споспешествовать более терпимому отношению к гомосексуалистам. В первых сообщениях о СПИДе говорилось, что это исключительно их болезнь. Хотя вскоре выяснилось, что все остальные люди так же легко заражаются СПИДом и передают его друг другу, печать по инерции продолжала обвинять гомосексуалистов.

Все это, конечно, нелепые утверждения. Не вполне справедливо, однако, и обратное уверение, — что гомосексуалисты тут вовсе ни при чем.

По этому поводу у нас с Игорем Семеновичем Коном произошло некое разногласие. Он уверял, что мы слишком «зациклились» на группах риска.

— Это обычный наш стиль, — говорил профессор, — чуть только возникают какие-то проблемы, мы торопимся объявить, что это не наши проблемы, а чьи-то. В данном случае — гомосексуалистов...

Я тут не во всем с ним был согласен. Проблемы, конечно, общие. Но я немножко знаком с проблемой СПИДа, слежу за ней уже лет пять... Не у всех риск одинаковый. По крайней мере, сейчас.

Главная беда гомосексуалистов — большое число контактов. Я не знаю, в чем тут дело, не хочу теоретизировать, но цифры называются одна больше другой. Как на аукционе. Сам же Кон в своей книге «Введение в сексологию» пишет: «Многие мужчины-гомосексуалисты... в США и ФРГ вынужденно или по личной склонности ведут крайне экстенсивную половую жизнь, меняя в год по 50—60 сексуальных партнеров, часто малознакомых и вовсе анонимных».

Пятьдесят-шестьдесят — это, конечно, не предел.

Такое ощущение, что люди гонятся за рекордами. Некоторые, по крайней мере.

Профессор Кон опять мне возражает:

— Во-первых, из статистики — американской, например, — видно, что гомосексуалисты с экстенсивными контактами не являются преобладающими... Хотя тут статистика не очень достоверна. Во-вторых, разве вы не знаете обычных молодых людей или старых холостяков и даже женатых, которые ведут очень активную половую жизнь — и на курортах, и в командировках, и дома?

Насчет обычных сексуальных «активистов» мы еще поговорим. Что же касается «активистов»-гомосексуалистов, достаточно продолжить цитату из книги самого Кона, которую я только что привел. Речь идет о частой смене партнеров, нередко малознакомых или вовсе анонимных: «Это способствует широкому распространению в их среде различных венерических заболеваний... к которым в последние годы присоединилось такое опасное заболевание, как СПИД. Это не может не вызывать общественной озабоченности, тем более что установить источники заражения в гомосексуальной среде труднее, чем в любой другой».

Доктор Джордж Галассо, заместитель директора Национального института здравоохранения (США):

«СПИД нередко называют болезнью гомосексуалистов, однако это неверно, СПИД — болезнь, передаваемая половым путем, которая впервые была диагностирована у гомосексуалистов в развитых странах. Вследствие частой смены партнеров она быстро распространилась среди этой группы населения. В других странах мира эта болезнь выявлена и у гетеросексуальных лиц...»

О СПИДе заговорили лишь в последние годы, но в сущности эта болезнь начала свой путь, видимо, уже давно. Один из ведущих специалистов по СПИДу французский профессор Люк Монтанье так описывает этот путь:

«Эпидемия началась в 1970 году в Центральной Африке, возможно, в Заире или Конго. Далее, полагают, что вирус проник в США, в первую очередь в Нью-Йорк и Сан-Франциско... В среде гомосексуалистов, имеющих многочисленных партнеров... инфекция там быстро прогрессировала, особенно в больших городах. Границы преодолевались очень быстро. Инфекция захватила Австралию и страны Европы. Во Франции первый гомосексуалист, у которого был выделен вирус, незадолго перед тем вернулся из поездки в США...»

«Первые пять случаев странной пневмонии среди местной общины гомосексуалистов... описал врач из Лос-Анджелеса М. Готлиб в 1981 году. Практически одновременно другой врач — Д. Дюрак из Нью-Йорка — представил свидетельства саркомы Капоши[1] у молодых мужчин...

---

[1] Разновидность злокачественной опухоли.

Жертвы этой опухоли были гомосексуалистами, к тому же наркоманами...»

«Считается, что источником нового заболевания в США был ограниченный круг людей... Одним из них оказался стюард авиакомпании «Эр-Канада» Г. Дюга. Именно этот привлекательный молодой мужчина, который летал по различным авиалиниям США и Канады, заразил девять человек в Лос-Анджелесе, несколько человек в Нью-Йорке и еще восьми американских городах. Он был весьма активен, меняя до 250 партнеров в год, знакомясь с ними в барах гомосексуалистов, саунах и купальнях. В целом за ним насчитывается до 40 зараженных из первых 250 случаев СПИДа в США! Сам он скончался в марте 1984 года в возрасте 32 лет от саркомы Капоши — «рака гомосексуалистов».

Считается, что гомосексуализм — это редкость редкостная. Многие, например, уверены, что это достояние некоторых разрядов художественной интеллигенции (артисты балета и т. д.). В своей книге Игорь Семенович Кон опровергает такое мнение: «...Это широко распространенное явление. По подсчетам разных авторов, исключительно гомосексуальную ориентацию имеют от одного-двух до пяти-шести процентов мужчин и от одного до трех-четырех процентов женщин. Эпизодические или временные гомосексуальные контакты имеет по меньшей мере треть мужского населения».

Если это перевести на абсолютные цифры, получится, что у нас от одного до пяти миллионов гомосексуалистов. Короче, гомосексуалист — это вовсе не редкое явление.

Вообще о чем бы внутри этой темы ни зашла речь, всюду господствуют ложные стереотипы. Два из них уже были названы. Первый: гомосексуалистом можно быть, а можно и не быть, это дело свободного выбора. Второй: гомосексуалистов мало. Третий предрассудок: гомосексуалисты — это моральные и физические уроды, которые по всем статьям отличаются от прочих людей.

— Ни по одному психологическому тесту отличить гомосексуалистов от остальных людей невозможно, — говорит профессор Кон.

Центральный вопрос: можно ли все-таки предотвращать формирование гомосексуалиста? Что посоветовать родителям?

— Я бы поставил вопрос осторожнее, — отвечает профессор Кон. — Как избежать тех факторов, которые могут способствовать гомосексуальной ориентации? Применительно к мальчикам такие факторы — зависимость, занянченность, чрезмерная родительская, особенно материнская, опека. В том же направлении действует запугивание подростков опасностью сексуальных контактов с

девочками, вообще подозрительное отношение к общению между мальчиками и девочками. Мы ведь знаем, как часто это бывает, как часто родители боятся — вдруг что-нибудь этакое случится. Тут дело такое: когда общение с другим полом затруднено, тогда эротическую окраску могут обрести контакты со сверстниками своего пола. Наконец, самое главное — не надо подозрительно смотреть на подростков. На подозрительность взрослых и подростки отвечают настороженностью. А в этой атмосфере гораздо легче возникает нечто нежелательное.

Мы пустились, однако, в отвлеченные рассуждения. Что все-таки делать такому несчастному, о котором говорилось в письме из Одессы? И что делать его матери? Где выход из положения?

— До последнего времени выхода не было, — говорит Игорь Семенович. — Сейчас он завиднелся — статья о гомосексуализме вот-вот будет отменена. Единственное, что существует повсюду и что должно быть сохранено у нас, — уголовное наказание за связи с несовершеннолетними. Но для этого не нужна особая статья — достаточно статьи о растлении несовершеннолетних. То же самое можно сказать и о насилии.

— Можно ли «лечить» от гомосексуализма?

— В некоторых случаях возможна некоторая коррекция при помощи психотерапии. Лет пятнадцать-двадцать назад даже такая возможность отрицалась.

Какой бы ни была наша традиция в отношении к гомосексуалистам, сейчас тут безраздельно господствует одно — невежественная нетерпимость. Надо меняться. Главным ориентиром, наверное, в конце концов тут должен стать принцип гуманизма.

— Как вы считаете, в какие конкретные одежды он должен облечься? — спрашиваю я Кона.

— Разумной установкой всякого интеллигентного человека, я полагаю, должно быть невмешательство в личную жизнь другого человека, если она не затрагивает каких-то общественных интересов. Надо понять, что люди разные. В том числе они разные и по своей сексуальности.

* *
*

Первый наш соотечественник, заболевший СПИДом и заразивший еще несколько человек, также был гомосексуалистом.

Когда я писал эту книгу, он все еще оставался одним-единственным больным, пораженным заморской болезнью. Вокруг него все обращалось и вертелось. Схемы, плакаты, лекции. От кого получил, кого заразил.

Возраст — тридцать семь лет. Работал переводчиком в Африке. Там и подхватил.

— Вот такая схема, — Покровский разворачивает передо мной лист ватмана с квадратиками и кружочками. — Это — контакты больного, а также контакты его партнеров. Квадратики — мужчины. Кружочки — женщины. Маленькие кружочки — родившиеся дети. У самого Владимира Н. связи были только с мужчинами. Это в основном солдаты. Для них гомосексуальные связи — дело случая. Другие их контакты — с женщинами.

Переводчик назвал двадцать три своих партнера. Еще одного назвали сами партнеры.

Вот ведь сколько, всех и не упомнишь.

Пятеро из них на схеме затушеваны (обнаружен вирус СПИДа). На этих пятерых пришлось двадцать две женщины. Не всех удалось найти. Из найденных пока затушеваны четверо.

— В результате вот этой связи, — поясняет Покровский, — родился ребенок. Зараженный. Вот эта женщина вышла замуж. У нее тоже родился ребенок. На днях. Девочка. Мы пока не знаем, заражена она или нет — может, антитела просто передались от матери.

— Как дети? Что, эти люди не знали, что заражены?

— Знали. Но каждый надеется на лучшее. Вероятность рождения инфицированного ребенка — двадцать пять процентов.

— А муж этой женщины инфицирован?

— Пока нет.

— Но ведь это подпадает под указ... Об умышленном заражении. . .

— Во-первых, заражения пока нет. Во-вторых, муж ведь добровольно согласился. . . В указе не оговорен этот случай.

— А ребенок? Он тоже добровольно? . .

Покровский пожимает плечами:

— Я не юрист. Может быть, здесь и есть что-то противоправное.

Черт знает что. Какая-то игра с огнем. Вот ведь уже есть одна безвинная жертва — этот ребенок. И может быть, скоро будет две. . .

— Давайте говорить серьезно. Если среди этих лю-

дей, — Покровский указывает на квадратики и кружочки, — окажется хоть один... как бы это сказать... асоциальный элемент, он ведь может сколько угодно заразить. Особенно если это будут гомосексуалисты. Там ведь многое анонимно — Ваня, Леня, Петя... Потом — как его найдешь? Так что указ этот применять не так-то легко.

— Ваш больной, бывший переводчик, обещал вам, что не будет распространять болезнь?

— Конечно, он подписал бумагу соответствующую. Хотя, разумеется, все это очень условно. Стопроцентной гарантии нет... Поэтому надо ограничивать не только активность зараженных, а вообще... Чтобы у человека было как можно меньше половых партнеров.

Недавно в Чехословакии судили вирусоносителя, студента из Праги. Вирус СПИДа был обнаружен у него в декабре 1986-го. Как всегда в таких случаях, он был ознакомлен с правилами — как себя вести, какие меры предосторожности принимать. Дал соответствующие обязательства. Однако не выполнял их, продолжал сексуальные связи, не предупреждая никого об опасности. Приговор — три года заключения. При этом исполнение его было отсрочено, поскольку в ту пору студент находился в клинике.

— В случае с Владимиром Н. заразились пятеро из двадцати четырех, — продолжаю я разговор. — Как это понимать? Почему не все?

— Это примерно стандартное соотношение. Даже немножко выше, чем стандартное. Кто заразится, кто не заразится — от многого зависит. От времени контакта. От того, в каком состоянии находится человек — источник заражения, много ли вирусов у него в этот самый момент в крови. Это как раз один из предметов нашей научной работы. Во всем мире пытаются разобраться, но пока ясности нет. Единственное, что ясно — то, что это связано с травмами: если была какая-то травма в период связи, — вероятность подскакивает. У нашего «героя» было воспаление. Раз воспаление, значит и травма. Значит, кто попал в этот период, у того риск был выше.

Насчет заразности СПИДа имеются разные мнения.

«Прослеживая передачу инфекции СПИДа от партнера к партнеру, эпидемиологи к своему ужасу установили высокую вирулентность[1] возбудителя: тот, кто имел половой контакт с зараженным партнером, подвергается риску заразиться в 60—70% случаев. По данным кали-

---

[1] Степень болезнетворности вируса или микроба.

форнийского специалиста М. Конанта, этот процент заражения достигается при повторных и продолжительных контактах. Кому не повезет, может заразиться при первом и единственном контакте».

— Вы мне как-то сказали, что занимаетесь социальными вопросами, касающимися больных и носителей вируса, — говорю я Покровскому. — Что вы имели в виду?

— Многое. Вот хотя бы социальный статус носителя. Кто о нем позаботится? Кто подумает о его взаимоотношениях с обществом? Возьмите Владимира Н. Вот он идет по своему родному городу, и все ему дорогу уступают... За километр его стараются обойти...

— Особенно если у него пятна на лице...

Обычно при саркоме Капоши пятна располагаются на руках, на ногах... При СПИДе типичное расположение — на голове.

— Ну, на лице у него как раз ничего нет. Припудрит — и все.

Его просто знают уже. В его городе. Он был довольно известной личностью. После возвращения из Африки работал учителем. И довольно неплохо. Дискотеки организовывал...

СПИД выливается в различные болезни. У Владимира — в эту.

— Ну, и какие же цели вы перед собой ставите? Я имею в виду — в социальной области.

— Защищать права зараженных СПИДом как можно активнее. Правда, отсюда, из Москвы, это сложно делать. Здесь мы еще можем создать для них какую-то благоприятную атмосферу, а в провинции, как вы знаете, у нас сурово...

Летом 1987-го про Владимира Н. написал «Огонек». Довольно точно воспроизвел внешность. Владимир вынужден был перебраться сюда, в московскую клинику.

У себя дома Владимир жил с родителями. Кроме него, есть еще брат...

— Семья-то не отвернулась от него?

— Матери, как правило, не отворачиваются. А с отцом и братом у него конфликт острый. Мать, конечно, заботится о нем, приезжает...

— Вы защищаете права зараженных... На это вам скажут: а кто защитит права других, на которые они посягают?

— Защитить мы можем только сами себя. В этом все дело. Что надо сказать нашим согражданам — это: «Това-

рищи, защищайте себя сами! Сократите число половых партнеров — это ведь элементарно, и пользуйтесь презервативами!» Этого вполне достаточно, чтобы остановить эпидемию. И никаких вакцин не надо. Их все равно не будет в ближайшее время, а я даже и в отдаленном будущем их не предвижу. Защищайтесь сами!

Сомневаюсь, что те солдаты, которых заразил Владимир Н., знали эти две нехитрые максимы — насчет числа партнеров и презервативов.

У меня с Покровским в который раз повторяется сцена, в какой я участвовал в кабинетах других медицинских деятелей, выезжающих за границу и принимающих у себя зарубежных гостей: с завистью рассматриваем антиспидовые плакаты, призывы, буклеты, комиксы, изданные за границей. Сочные, яркие, прекрасной полиграфии. Не застенчивые.

— Я все время боюсь, как бы меня не привлекли за хранение порнографии, — смеется Покровский.

И рядом — наша серенькая, скучненькая, невыразительная продукция. Все эти набившие оскомину чудовища с надписью «СПИД» поперек груди, точно название футбольной команды, за которую чудовище болеет. К тому же и выпущенные мизерными тиражами, так что, наверное, до города, где проживал Владимир Н., до сих пор ни одно не долетело на своих волшебных крыльях.

Презерватив изобразить на плакате — и то никак не решимся. Как можно! Это же подорвет нравственные устои!

— На Западе пришли к выводу, — говорит Покровский, — что самый эффективный путь борьбы со СПИДом, если не единственный, — обучение, информация. Пусть каждый слышит про СПИД каждый день. Про то, что можно заразиться. Я считаю, нам тоже надо идти по этому пути. У нас кое-что санпросвет делает, газеты кое-что пишут. . . Но надо, чтобы дошло до тех, кто газет не читает, телевизора не смотрит. То есть повсюду должны быть яркие плакаты — на улицах, на площадях, в подземных переходах... Надо, чтобы до каждого дошло: это его касается, не дяди, а его лично, он сам может заболеть. Потому что, как правило, никто себя не отождествляет с группой риска.

Спрашиваю Покровского:

— Как ваш больной сам смотрит на ситуацию, в которой оказался?

— Иронизирует: «Я — звезда. Всю жизнь мечтал про-

славиться. Вот и прославился». Вообще-то, конечно, страдает. Очень страдает. Ну у него такой своеобразный юмор... Многое у него, правда, зависит от настроения, но в общем ничего... Можно было ожидать худшего. Вообще-то мы с ним долго носились. Не сразу ему сказали, что у него СПИД. Наводили на такую мысль окольным путем. Говорили, что у него более мягкая форма... Может быть, поэтому все без особых эксцессов прошло.

В медицине есть понятие — реактивный психоз. Его испытывают, например, люди, услышавшие, что у них рак (хотя впрямую такой диагноз обычно не сообщается). То же и со СПИДом. Человек впадает в депрессию...

— Не было у вас в клинике попыток самоубийств?

— Была одна попытка. Хотя не очень правдоподобная. Скорее демонстрация. С иностранцем было дело. А за рубежом случаев самоубийств много.

Через некоторое время стресс несколько сглаживается. Проходит несколько месяцев, человек не видит никаких признаков болезни и мало-помалу успокаивается.

— В принципе все вирусоносители, конечно, нуждаются в специальной психиатрической поддержке. Сейчас мы берем к себе на службу психиатра, который только этим и будет заниматься.

Когда Владимир Н. попал в отделение, никаких лекарств у врачей не было. Месяца через два одно лекарство появилось. Применили — оказалось эффективно. Еще через три месяца — новое. Опять эффект. Он стал лучше себя чувствовать, чем в момент, когда попал сюда.

Ко времени госпитализации саркома была у него уже около полутора лет. Никак не могли диагноз поставить. Он ходил от одного врача к другому — все без толку. Потом поехал в Москву...

— Тут вообще произошла занятная история, — говорит Покровский. — Я чувствовал, что надо найти больного. Нашего, советского. Не может быть, чтобы его не было! Поэтому я повсюду ездил и читал лекции о СПИДе. За год прочел около пятидесяти. И одна лекция наконец сработала. Среди слушателей оказалась молодая женщина, врач, только что окончила институт, первый год работала. Она «вычислила», что у ее больного СПИД, — на основании того, что услышала от меня. Пошла к своему заведующему: «У него СПИД». Тот поднял ее на смех: «Ты что, с ума сошла?» Врач настаивала. Добилась обследования. Все подтвердилось.

— Какой прогноз у него?

Ответ краткий:

— Неблагоприятный.

Я понимаю, что неблагоприятный. Благоприятных прогнозов при СПИДе пока нет. Речь о сроках. Сколько он еще может прожить?

— Трудно сказать. Американцы тянут некоторых уже по пять лет. Я думал, что он у нас умрет к лету 1987 года. Но потом оказалось, что наше лечение дает эффект. К моему удивлению.

С самим Владимиром Н. мне не довелось встретиться. В той «огоньковской» публикации было написано, что он неказистый, у него лопатки торчат... Это более всего его оскорбило. «Не надо мне больше вашей прессы!»— заявил он.

* *
*

Беседую с гомосексуалистами в клинике Покровского. Их трое. Молодые ребята. От двадцати четырех до тридцати. У всех вирус СПИДа.

Самый молодой и самый разговорчивый — Алексей. Студент. Сначала он попал в больницу с сифилисом, а уж потом — при всех венерических заболеваниях сейчас берут кровь на СПИД — обнаружился этот вирус.

Спрашиваю, как он себя чувствует.

— Ничего. Иммунный статус у меня хороший, поэтому никаких таблеток не принимаю.

Ну вот, «иммунный статус»... Вполне подкованные пациенты.

Знают ли они, кто их заразил?

— Среди моих контактов нашелся человек, который тоже инфицирован, — признается Алексей. — Но здесь неизвестно, кто кого... Я его или он меня... У меня, конечно, есть подозрение, что он меня. А у него — обратное. К сожалению, у нас не могут определить точный срок заражения. Будь иначе, было бы легче. Среди его контактов тоже нашелся один с вирусом...

— Но тот в контакт с вами не вступал?

— Я его вообще не знаю.

«Доктор Маркус Конант, специалист по кожным и венерическим заболеваниям, работающий в Сан-Франциско, хорошо помнит первых больных СПИДом. Тогда, в 1981 году, в США насчитывалось всего девяносто таких больных, тридцать из них были пациентами доктора Конанта. Калифорнийский врач одним из первых описал новое заболевание.

Те первые пациенты доктора Конанта — гомосексуалисты и бисексуалы из тогда еще веселой и беззаботной столицы однополой любви — давно уже умерли. Кто кого и как заразил, тогда установить не удалось, так как тайна сексуальных связей тщательно сохранялась...»

Нынче носителей вируса ищут двумя путями. Один путь — в обязательном порядке обследуют доноров, проституток (которых сумеют выявить, естественно), гомосексуалистов (тоже выявленных), наркоманов (то же самое)... Сейчас в РСФСР стали обследовать всех беременных. Ни одна женщина не может сделать аборт без справки о проверке на СПИД... Но при этом открылась удивительная картина: большинство носителей этим путем не обнаруживаются.

Более эффективный путь — поиск контактов уже выявленных носителей вируса.

— Вот недавно обнаружили одного зараженного донора, — говорит Покровский. — Стали проверять, кому переливали его кровь, — нашли еще пять зараженных.

Московские врачи уверяют: среди групп риска с гомосексуалистами легче всего иметь дело. Это люди наиболее развитые. Труднее всего — с проститутками. Гомосексуалисты нередко добровольно приводят своих друзей на обследование. Заботятся.

В Ленинграде я слышал иное: гомосексуалисты попрежнему путают след, «темнят». Видимо, все еще опасаются статьи.

Продолжается разговор в клинике Покровского.

— Много у вас было контактов? — спрашиваю я тридцатилетнего Михаила.

— Ну, коль на то пошло... конкретно... то с шестнадцати лет... — отвечает он, несколько смутившись. — Примерно три человека в месяц...

— Новых?

— Бывает, и новый... Бывает, тот же самый. Ну, два — вот так вот.

Два в месяц — это, надо полагать, новых. Так я его понимаю.

Значит, так: два новых контакта в месяц, двадцать четыре в год. Будем считать, три года примерно существует опасность заражения СПИДом (разговор наш — в октябре 1988-го). Стало быть, семьдесят два раза у Михаила была возможность подхватить вирус. И вот по крайней мере однажды эта возможность осуществилась.

— А вы знаете, от кого заразились?

— Догадываюсь.

— Он привел к нам этого человека, — говорит Элла Сергеевна Горбачева, заведующая отделением. — Разбираемся сейчас. Похоже, что действительно так...

Михаил работает инженером в КБ. Женат. Двое детей.

— Менять по два-три партнера в месяц... Вы считаете — это нормально для гомосексуалиста?

— Я считаю — не только для гомосексуалиста, — опять вступает в разговор Алексей. — Это вообще нормально... Для нормального молодого человека, независимо от того, кто он.

Нет, мне этого не понять.

— Это просто у нас так говорят, — добавляет Михаил, — дескать, у гомосексуалистов больше контактов. Обычные мужчины и женщины меняют партнеров не реже, чем гомосексуалисты.

Тут я не согласен. В среднем гомосексуалисты меняют партнеров все же чаще...

Подумав, Михаил соглашается:

— Да, пожалуй что так.

— Здесь, во-первых, социальные условия играют роль, — говорит Алексей. — Если бы у меня была квартира, я бы, конечно, не бегал бы... А жил бы с одним человеком...

— Да, если бы у нас было, как на Западе...— вторит ему Павел. — Гомосексуалисты ведь там живут друг с другом официально... Не таясь. И квартирные условия позволяют...

— У нас тоже есть такие пары...

— Да, но их очень мало. Единицы. Большинство гомосексуалистов у нас живут с родителями. Чтобы встретиться, им надо искать квартиру где-то на стороне, к кому-то в гости ехать. Или ждать, когда родители из дома уйдут. Поэтому и получается это... Сегодня с одним, завтра с другим... С третьим... Потому что все определяется возможностью... Квартирой...

Не только в этом дело. Многие гомосексуалисты говорили мне, что не только в квартире.

— ...И второе, — продолжает Алексей, — к частой смене партнеров располагает легкость знакомства. Все-таки познакомиться мужчине с мужчиной легче, чем мужчине с женщиной. Женщина понимает, для чего с ней знакомятся, и затевает некую игру. Мужчина эту игру принимает, эти условия... Начинается флирт. Он может длиться довольно долго. А здесь на все про все хватает десяти минут. Идут по улице, посмотрели друг на друга, оглянулись, подошли

друг к другу, перекинулись словом — и все. Я ничего не преувеличиваю — у меня есть знакомые, у которых бывало по три и больше контакта в день. В одном месте познакомились... Разбежались... В другом месте... Это в общем-то обычное дело.

— Сколько всего вы знаете устойчивых пар?

Михаил:

— Я знаю пары четыре. Две из них живут подолгу — лет по десять. Сейчас им лет по тридцать шесть... Уж не знаю, какие там у них отношения с соседями и как улаживается юридическая сторона... Но в большом городе это все как-то растворяется. А на периферии... Не могу себе такого представить. Там все друг друга знают, все суют повсюду свой нос.

Вот несколько записей, сделанных западногерманским больничным духовником Грегором Шорбергером. Его собеседники — гомосексуалисты, больные СПИДом.

«С Бернхардом Б., служащим, я впервые встретился в один из дней в конце февраля, под вечер. Вокруг его кровати были кипы книг и журналов, так что мне показалось, что самого его в палате нет. Лишь когда я подошел поближе, я обнаружил его за развернутой газетой. После моего приветствия г-н Б. отложил в сторону газету и с удивлением посмотрел на меня сквозь большие роговые очки. Я представился: католический больничный духовник. После этого лежащий заговорил взволнованно и раздраженно:

— Я болен СПИДом. Вы ничем не можете мне помочь. Я — гомосексуалист. А ваша церковь считает нас людьми с патологическими отклонениями, грешниками и извращенцами. Если бы все происходило, как того желает церковь, то параграф сто семьдесят пятый так никогда и не был бы смягчен. Нас по-прежнему преследовали бы, как при Гитлере. Еще в пятидесятые и шестидесятые годы, когда канцлером был католик Аденауэр, мужчин сажали в тюрьму за однополую любовь. За нас ваша церковь не вступалась никогда. В годы нацизма тысячи гомосексуалистов были замучены в концлагерях. Сегодня вы смотрите на нас — на тех, кто заболел СПИДом,— как на козлов отпущения. Слава богу, сегодня никто больше не прислушивается к проповедям церковников. Меня же вообще тема церкви больше не интересует.

— Впрочем,— сказал он после паузы, немного успокоившись,— я охотно побеседовал бы с вами о смысле жизни. Сейчас меня занимает проблема смерти. Приходите еще, сегодня я устал».

Мой разговор с нашими гомосексуалистами, зараженными СПИДом, идет своей чередой.

— Насколько вам известны люди, с которыми вы вступаете в связи? Случайные партнеры часто бывают?

Вопрос мой обращен к Павлу.

— Случайные? — переспрашивает он. — Бывают, конечно. Но чаще, как и у прочих людей, они бывают на отдыхе.

5 Заказ 5535

На юге. А так, если человек хороший, поддерживаешь отношения с ним. У меня есть друзья, с которыми был контакт пять или шесть лет назад один раз... Потому что постель — это ведь не самое главное. Помимо секса, есть ведь общие интересы...

Павел тоже учится, только на вечернем. Постарше Алексея.

— А чем вы интересуетесь?

— Да в общем как... — секунду он медлит с ответом. — Кругозор большой... Сейчас вот, лежа здесь, начал язык учить... Французский. Вообще-то я знал его, малость забыл, сейчас вспоминаю... Когда живу дома, стараюсь не пропускать ни одну выставку. За этот месяц несколько посетил. Ну и кино, театры... Конечно, с театрами труднее, потому что билеты не всегда достанешь. А вообще я ведь учусь, свободного времени мало — среда и выходные...

Сакраментальный вопрос: были ли у них контакты с женщинами? Были у всех — на заре туманной юности. Почти все гомосексуалисты начинают с эксперимента, пробуют, как лучше — так или этак. Сейчас все трое считают себя «чистыми» гомосексуалистами.

«В начале нашего знакомства,— пишет Грегор Шорбергер,— я обратил внимание на то, что г-на Б. в больнице никто никогда не навещал. Я поинтересовался, почему его не навещают коллеги по работе.

— Если они узнают, что я болен СПИДом, я сразу наложу на себя руки. Увольнение меня не страшит — я дорожу своей репутацией. Я уже пятнадцать лет работаю в фирме. Если они узнают про СПИД, им станет известно и другое — что я гомосексуалист. Они тотчас меня заклеймят. Для них я уже буду не кто иной, как извращенец, совратитель малолетних. Вы себе представить не можете, какие шутки отпускают в конторах по нашему адресу, как потешаются над гомосексуалистами. А сами они что из себя представляют! Послушали бы вы, как по понедельникам начальники отделов рассказывают друг другу о своих похождениях в публичных домах и в ночных клубах. Для жен у них всегда есть объяснение: деловая поездка. Я старался быть наравне со всеми — в разговорах, конечно, рассказывал о своих мнимых приключениях с женщинами. Благодаря этому я принадлежал к их клану. Когда они приглашали меня к себе домой, всякий раз приходилось извиняться за то, что я не привел с собой свою так называемую подругу. Мне было важно, чтобы на службе меня уважали как «полноценного мужчину» и ценили за деловые и профессиональные качества.

— Конца лечению, однако, не видно,— продолжал г-н Б.— Напротив, бывают дни, когда мне совсем худо. Иной раз я задаю себе вопрос: не покончить ли мне с собой! Знаю наверняка: ведь я уже никогда не стану здоровым. Первый курс химиотерапии ничего не дал, теперь они хотят провести второй. Сегодня утром врач сказал мне, что я должен уйти на пенсию. Вот видите, конченый я человек! А мне ведь всего сорок пять».

* *
*

Выясняется, что все трое моих собеседников росли без отцов. Алексей до сих пор живет с матерью. Михаил — у жены, правда, собирается разводиться. У Павла мать недавно умерла, он остался один.

— В большинстве своем гомосексуалистами становятся те, кто без отца растет, — считает Павел. — Я об этом и матери говорил, когда она жива была. Женщины, конечно, это не могут признать. . . Что они виноваты. . .

— Среди ваших друзей много таких, кто рос без отца?

— Да почти все! Почти все без отцов. . . А если и есть отцы, то это так.. Приходящие... Или те, которые не занимались сыном. . . Когда женщина одна воспитывает сына, она, естественно, прививает ему даже и свои манеры, не хотя, быть может, того... И мягкий характер... Вот я, например, мягкий человек. Я не могу отказать кому-то в чем-то. . . То есть не то что отказать, а на чем-то настоять. . . Или грубое слово бросить. . . Хотя тоже могу ругаться и кричать, но не так, как. . . как другие. . . И драться, конечно, я не могу. . . Человека бить. . . Меня просто не воспитывали так, чтобы я бил человека. Потому что меня воспитывала женщина.

Спрашиваю Алексея, знает ли мать, что он гомосексуалист, как к этому относится,

— Знает, конечно. Относится к этому не очень хорошо. Но она ничего не может сделать и вынуждена принимать все как есть. Теперь она мне все время говорит: «Я ведь тебя предупреждала, что ты подцепишь какую-нибудь гадость!» Имея в виду люис. . . Я ей на это отвечаю: «Ты считаешь, что в венерологическом отделении лежат одни гомосексуалисты?»

С тридцатилетним автослесарем Альбертом А. у патера Шорбергера сразу сложились добрые отношения.

«— Много лет я собираюсь сообщить родителям, что я гомосексуалист, но никак не могу себя заставить. Мама очень тревожится из-за моей болезни, но я ничего не могу ей сказать. Приходится придумывать все новые сказки, чтобы ее успокоить. С отцом проще. Если бы он узнал, что я гомосексуалист и вдобавок болен СПИДом, он бы это легко пережил. Мама же была бы сломлена. А с другой стороны, мне не хотелось бы, чтобы она узнала обо всем от других. Больше всего мне хотелось бы сказать родителям: родись я еще раз, я снова предпочел бы стать гомосексуалистом. Но чем чаще я порываюсь заговорить с ними на эту тему, тем очевиднее для меня становится невозможность такого разговора».

— Вы не боитесь, что на работе узнают, что вы гомосексуалист? — спрашиваю я Михаила.

— Ну, узнают и узнают... Что делать? Сам я это не афиширую.

Я напоминаю им, что до сих пор действует статья о гомосексуализме.

— Это возмутительно! — говорит Михаил. — Я считаю, что это нарушение прав человека.

Распространено наивное мнение — я тоже одно время его держался, — что гомосексуалисты не оставляют потомства... По этому поводу Алексей говорит задиристо:

— Большинство гомосексуалистов женаты. И имеют здоровых, полноценных детей, в отличие от тех — из числа «нормальных», — которые жрут, пьют и рожают уродов, переполнивших сейчас все клиники.

— А вы не пьете?

Разговор на секунду застопоривается, словно конь, которого осадили на скаку. Мои собеседники с усмешкой переглядываются.

— Редко очень... — говорит Михаил.

Я не раз слышал, что гомосексуалисты мало пьют.

— Я бы так сказал: они пьют меньше, чем другие люди, — говорит Павел. — Если он будет все время пить — какой уж тут секс. Конечно, есть любители выпить, но все-таки их меньше. И когда собирается компания, выпивки меньше. Просто веселье, разговор, музыка... Я лично вообще не люблю пьяных. Если я один раз встречусь с человеком и он будет выпивши, другой раз тоже... то в третий раз я с ним уже не буду встречаться. Вообще порываю всякие отношения, уж не говоря о сексуальных.

— ...Почему я сейчас не женюсь? — продолжает разгоряченный Алексей, будучи не в силах «соскочить» с темы, которую оседлал. — На что я буду жить? На стипендию, которую получаю? На пенсию матери? Пойдут дети... Мне еще кое-как хватает, но ни жена, ни ребенок, как вы понимаете, на эти деньги прожить не смогут. Даже если жена будет работать.

Вспомнив внезапно, что у него вирус, Алексей добавляет горестно:

— Правда, сейчас эти планы у меня вообще отпали... Временно, надеюсь.

«Эрих Э., пятидесятипятилетний железнодорожный служащий, попал в стационар из-за острых приступов лихорадки. Он знает, что болен СПИДом, но надеется выздороветь:

— Наверняка скоро найдут средство от этой болезни. Мы, боль-

ные, должны сделать все для того, чтобы способствовать успеху этих исследований. Иначе какой смысл глотать все эти высокотоксичные медикаменты! Что только мне не пришлось из-за этого вытерпеть! Несколько дней меня мутило из-за этого нового медикамента — суралина. А толку нет. Надо терпеть: мы ведь здесь подопытные кролики».

Чтобы отвлечь Алексея от грустных мыслей, я снова перевожу разговор в теоретическое русло:

— Я не понимаю, как можно жениться и жить с женщиной, будучи к ней равнодушным.

— Ну, почему равнодушным? — возражает Павел. — Секс — это ведь не главное. . .

Гм. . . Второй раз слышу сегодня эту фразу.

— . . .Секс — это ведь не главное. Большинство людей женятся не потому, что им надо удовлетворить свои. . . потребности. . . А просто, чтобы не быть одиноким. Одиночество — это ведь ужасно. Поэтому и после, когда любовь или то, что считалось любовью, улетучивается, муж и жена ходят, как говорится, «на сторону», но все равно живут вместе, возвращаются друг к другу. . . Потому что, кроме как друг другу, они больше никому не нужны. . .

Много говорится о проституции среди гомосексуалистов. Пытаюсь узнать из первых рук, как тут обстоит дело.

На мой вопрос опять Алексей отвечает:

— Вы знаете, проституция в последнее время стала развиваться, но только с иностранцами. Особенно часто этим занимаются иногородние. У большинства москвичей есть друзья-иностранцы, хотя вовсе не обязательно они спят с ними. Просто друзья. Видя такие дружеские отношения, приезжие гомосексуалисты начинают гоняться за иностранцами, просто-напросто предлагать себя. Чаще всего — за подарки.

— Есть ведь и более профессионально работающие — просто получающие таксу.

— Ну, разумеется, есть. Хотя этих я знаю единицы. А вот начинающих, довольствующихся подарками, — таких знаю много.

Места встречи гомосексуалистов указаны во всех справочниках Москвы, издаваемых для иностранцев. За границей, естественно, издаваемых. Так что сориентироваться не трудно. Сам видел не раз. Например, есть такое издание «Спартакус». Там много информации. Каждый год выпускаются каталоги. . .

— А сами вы не имели дело с проститутками? Я подразумеваю проституток-гомосексуалистов.

— Нет. Зачем? Они слишком дорогие.

— Конечно, если говорить о СПИДе, — заключает Павел, — гомосексуалисты больше этому подвержены. Но тут у нас опять перегнули палку — огульно заявили, что в этом виноваты гомосексуалисты. И в результате у гомосексуалистов появился какой-то страх, а нормальные[1] люди, живущие с женщинами, так и продолжают жить, считая: «Это не для нас». Но взять хотя бы сколько здесь в клинике народу лежит. Здесь нас только четверо гомосексуалистов — все остальные палаты забиты нормальными людьми.

Это опять не совсем так. Среди зараженных СПИДом у нас примерно тридцать процентов гомосексуалистов. Общий же процент их среди населения, мы видели, — от одного до пяти. Стало быть, даже если брать самый высокий процент — пять, среди гомосексуалистов зараженных все-таки больше, чем среди остального населения.

«У Альберта А., — пишет Грегор Шорбергер, — прогрессирующая саркома Капоши.

— Я чувствую, как ускользает время. Сейчас будет проводиться новый курс лечения. Не знаю, стоит ли соглашаться. Для меня все это сопряжено с тяжелейшими мучениями. Меня постоянно мутит, боли в голове и в животе не прекращаются уже ни на минуту. Все чаще сдают нервы. Я больше не могу. Знаю, что если откажусь от дальнейшего лечения, пятна Капоши появятся и на лице. Взгляните-ка, коричневые пятна пошли уже по всему телу. Они похожи на родинки. После первого курса химиотерапии ничего не было видно. А сейчас они появились снова. У меня больше нет волос. Только пушок чуть-чуть пробивается.

Вдруг он ударил кулаком по столу:

— И все-таки я кое-чего добился. Я сказал маме по телефону, что у меня рак кожи. Пока я не могу набраться духу и пригласить ее к себе сюда, в больницу. Очень боюсь, что она узнает от других пациентов что-нибудь о моем истинном заболевании, а тогда уже и о том, что я гомосексуалист. Так тяжело отказывать ей всякий раз, когда она хочет навестить меня. Завидую соседу: его каждый день навещают родители и друг. Я всегда мечтал о том, чтобы открыто привести домой моего друга. На рождество я твердо решил рассказать родителям о моем гомосексуализме.

Как-то весной, после очередного курса лечения, Альберт сказал мне:

— Моя опухоль начинает снова разрастаться. Потрогайте-ка — вот здесь. День ото дня мой живот становится все больше. Я не позволю им ничего с ней сделать. Сегодня же скажу врачу, что с этой

---

[1] Не замечая того, гомосексуалисты употребляют слово «нормальные» по отношению к гетеросексуалам, тем самым как бы соглашаясь, что сами они ненормальные. В этом они покорно следуют за нашей многолетней медицинской и юридической традицией, считавшей и считающей гомосексуализм то извращением, то заболеванием, то еще чем-то в этом роде. Современная мировая наука, как уже говорилось, отказалась от такого взгляда. — *Авт.*

минуты отказываюсь принимать лекарство. Тот небольшой срок, что мне осталось прожить, я хотел бы прожить по-человечески. Продлевать мою жизнь не стоит. Она вступила в свою последнюю фазу».

* * *

— Когда среди наших гомосексуалистов возникла боязнь СПИДа?

Задумываются.

— Я думаю, в течение этого года, — отвечает Алексей. — Восемьдесят восьмого.

Это соответствует словам Покровского, его предположению, что эпидемия среди гомосексуалистов началась прошлым летом.

— Гомосексуалисты пользуются презервативами?

— Теперь да, — говорит Павел. — Теперь стали.

— ...И потом я вам скажу, когда гомосексуалистов привозят сюда из других городов, — горячится Алексей (ему бывает трудно остановиться, дать сказать другим), — то их привозят, как правило, с эскортом милиции. То есть к человеку относятся не просто как к пострадавшему... Ему не сочувствуют в несчастье... А как к преступнику. Вот он такой-сякой, и так ему и надо. Даже когда я уходил из венерологического отделения, то мне главный врач, женщина, говорит: «Вы же знаете, что бывает за гомосексуальные связи». Вот вам, пожалуйста... Спрашивается, кто она — медик или милиционер? Я оказался в таком шоке, что даже не стал ничего отрицать... Не стал говорить: откуда вы знаете, что у меня такие связи? Вы что, видели?

— Мне кажется, что к этим людям надо относиться терпимо — продолжает мысль Алексея Павел. — И не только к гомосексуалистам, вообще к инфицированным. Потому что это несчастные люди... Вот у нас здесь лежала женщина с младенцем, не помню, из какого города. Тоже инфицированная. Так вы что думаете, к ней будут хорошо относиться? Нет, так же, как и ко мне. Это значит, что у нее вся жизнь полностью перечеркнута. Ей нужно уезжать из своего города... Вот какая обстановка создается вокруг этого.

В одном из номеров американского журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» был помещен репортаж от имени белого гомосексуалиста, который заразился вирусом в Далласе и вернулся в свой родной городок Уильямсон в Западной Вирджинии. Двадцатишести-

летний молодой человек оказался в пятитысячном городке как на необитаемом острове. После того как он искупался в городском бассейне, тот закрыли на дезинфекцию Даже родственники отказались пускать его в свой дом. В итоге молодой человек был вынужден уехать из родных мест.

Как их товарищи встретили известие, что они — Алексей, Павел, Михаил — заражены вирусом СПИДа?

Алексей:

— По-разному. Хотя и среди друзей мы стараемся не распространять эту весть, но слухами земля полнится. Обо мне, например, многие уже знают, и поэтому — пш, пш, пш, — он так и говорит, изображая, по-видимому, разлетающихся пташек, — все в разные стороны. Сейчас я твердо знаю одного друга, которому все обо мне известно и который от меня не отвернулся. Что ж, как говорится, друзья познаются в беде... Нет худа без добра... Теперь я знаю, кто есть кто. Я никого не держу. Пусть все идет как идет.

— Вас тут только четверо... Как к вам тут относятся?

— Сами пациенты? — переспрашивает Михаил. — Пациенты нормально относятся. А потом здесь в общем-то никто не задерживается. У всех одинаковое горе, независимо от того, кто он — гомосексуалист или нет.

— Заметна ли у гомосексуалистов тенденция сократить число партнеров в связи со СПИДом?

— Пока гром не грянет, мужик, как известно, не перекрестится, — отвечает Алексей. — Это и к гомосексуалистам относится. Все идет по-старому...

— И, я думаю, будет идти по-старому, — добавляет он, помолчав. — Не только у гомосексуалистов, но и у всех прочих людей. Все будут продолжать в том же духе.

Это худо. Неужто мы не умеем реагировать на опасность, как подобает живому существу? Я не говорю — разумному. Просто живому. Всему живому ведь свойствен инстинкт самосохранения — а нам, значит, нет? Я понимаю, инстинкт не срабатывает, когда опасность неразличима. Скворец, склевывающий на меже удобрение, не различает в нем яд. Но мы-то все знаем об опасности!

«...Картина представляется мрачнее, чем когда бы то ни было. Доклад, недавно опубликованный в американском журнале «Сайенс», содержит новости, не сулящие ничего доброго. Вопреки мнению о том, что не у всех лиц, зараженных вирусом, развивается СПИД, исследователи пришли к выводу на основе обследования сан-францисских гомосексуалистов, зараженных много лет назад, что 99 процентов носителей вируса заболевают СПИДом и умирают от него, если их что-то не убивает раньше. В настоящее время новые случаи заболевания регистрируются в среднем примерно каждые 14,5 минуты».

* *
*

Я встретился с другом Алексея, с тем самым, который, по его словам, был единственным из его друзей, не отвернувшимся от него после известия о заражении СПИДом.

— Как вы встретили эту весть?

— Когда я узнал, что он в больнице, первое время был в шоке. Ночь не спал. Не знал, что делать. После все-таки решил узнать, в чем же дело. Поехал туда...

Максим моложе Алексея. Недавно вернулся из армии. Работает. Симпатичный шатен спортивного сложения.

— Вообще-то я был уже подготовлен. Читал об этой болезни. Газеты, брошюры.

Видит же человек где-то брошюры! Я так повсюду смотрю — нигде ничего не вижу. И писал уже об этом не раз. Резко писал. Бесполезно. Максим уверяет, что у них в красном уголке висит на стенде какая-то памятка. Так что все-таки не брошюра, будем точны.

— Когда я приехал, Алексей мне все популярно объяснил, что он заболел...

— Это еще не болезнь.

— Ну, да, предболезнь, инкубационный период...

Действительно все знает. Все термины.

Одна из ловушек СПИДа — этот самый инкубационный период. Сначала, когда человек узнает, что заражен, он впадает в отчаяние. Все, погиб. Но СПИД не торопится прибрать свою жертву. Инкубационный период растягивается. Человек видит, что ничего особенного не происходит, и чувствует он себя вроде неплохо. СПИД то ли будет, то ли нет — тридцать процентов вероятности заболеть в течение пяти лет. И страх проходит: не так страшен черт, как его малюют. Глядя на этого человека, и окружающие — друзья, знакомые — расслабляются, отгоняют испуг. Впадают в благодушие.

И никто ничего не хочет изменить в своих привычках. Ну как же! С какой стати!

А что, собственно, изменилось? Вероятность вероятностью, но в принципе, если ты заражен, то можешь заболеть в любой момент. И лекарств от болезни нет — так, кое-что поддерживающее, затормаживающее. И неизвестно, когда они будут. И вирус вы можете подарить другим, сохраняя прежние привычки...

«Рольф Р., двадцатишестилетний техник, трижды проходил курс лечения в клинике.

— Я скоро умру. Вот задумал купить себе урну. Хочу каждый день смотреть на нее: может, тогда мне легче будет умирать. Ослабеет страх перед смертью. Мой друг говорит, что я сошел с ума, если уж собираюсь обзавестись урной. Я сказал, что буду прятать ее в шкаф, когда он будет вечером приходить с работы домой. Так он тоже не хочет. А мне важно, чтобы и он задумался над проблемой смерти. Чтобы хоть как-то поучаствовал в процессе моего ухода из жизни. Ведь он для меня самый близкий человек. Между прочим, я лишь сейчас понял, что еще ни разу не бывал на похоронах. Стоит мне только заговорить о смерти со своей матерью, как она тут же начинает реветь. Мой друг реагирует примерно так же — просит перевести разговор на другую тему. По сути, вы единственный, с кем я могу свободно беседовать обо всем, что меня волнует».

Задаю Максиму обычный вопрос: сколько у него в среднем партнеров в месяц. В среднем два. Я уже набираю статистику, свидетельствующую, что два партнера в месяц — довольно распространенная цифра. В отличие от Алексея, уверяющего, что партнеров меняют главным образом из-за бытовой необустроенности, Максим говорит, что такая смена у него — внутренняя потребность.

— Вы считаете, что такая сменяемость партнеров — нормальное явление?

— Думаю, что нормальное. Для гомосексуалистов. Да и не только для них — для «натуралов» тоже. Разве это много — два в месяц? Некоторые каждый день меняют...

Опять это...

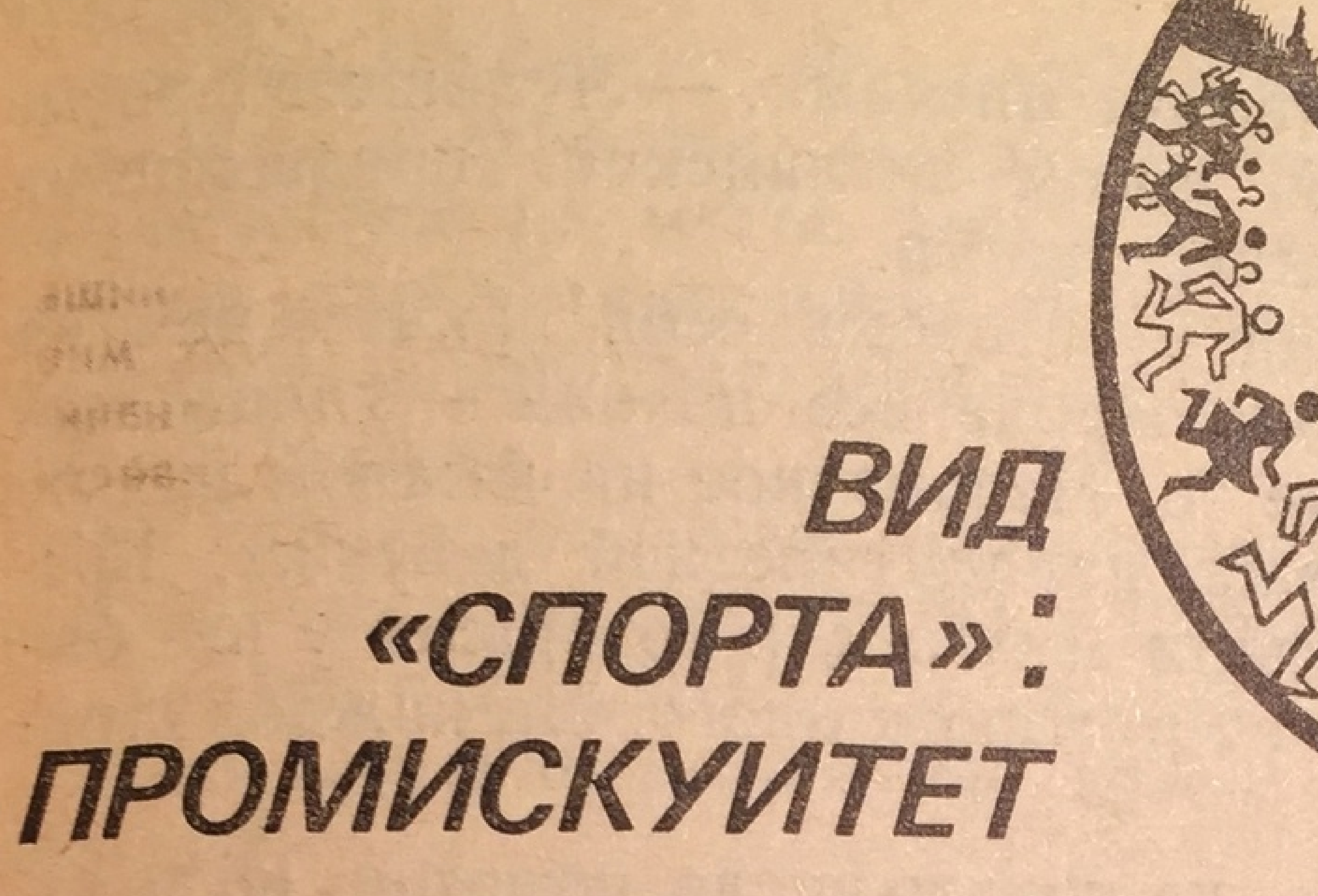
Нет, странные все-таки ребята. Человеческая цивилизация существует тысячи лет. И нет ведь такого, чтобы нормальным считалось: встретил женщину, лег с ней в постель и пошел дальше... Отклонения от нормы, аномалии — да. А норма — это ведь совсем другое.

Вижу: такие доводы не находят отклика у моего собеседника.

Клаус К., двадцать один год, специалист по лечебной гимнастике. И здесь главная тема — смерть. Монолог, обращенный к тому же патеру Шорбергеру:

— Я боюсь смерти. Взгляните на мой туалетный столик: я попросил принести мне все книги Кюблер-Росс. Я много думаю. Мне всего двадцать один год. Почему именно я! Почему именно сейчас! Если бог есть, почему он этому не помешал!

Глава 4

ВИД «СПОРТА»: ПРОМИСКУИТЕТ

На первый взгляд, люди, ведущие беспорядочную половую жизнь — самая безобидная из групп риска. Их не клеймят позором, на них не указывают пальцем. Разве что пожурят когда благодушно. Между тем эта группа риска самая многочисленная; и в определенный момент она может стать самой опасной. Ведь рано или поздно СПИД выходит за пределы более специфических групп риска, о которых речь шла в предыдущих главах, и начинает широко циркулировать в обществе.

В течение веков, бичуя половую распущенность, осуждающие имели в виду лишь моральную сторону дела. Однако сегодня вопрос стоит еще острее. Речь идет о том, что «аморальность» грозит человечеству катастрофой.

* *
*

...В метро напротив меня сидит парень в яркой куртке. На груди — самодельный значок с надписью по-английски: «Секс-инструктор. Даю бесплатные уроки».

В то время как я напряженно всматриваюсь в этот текст, он перехватывает мой взгляд. Несколько секунд мы смотрим друг на друга. Он нисколько не смущается.

— Это что,— спрашиваю,— украшение или приглашение?

— Кто как хочет, тот так и понимает,— спокойно отвечает он, — Одни понимают как украшение, другие как приглашение.

Соавтор этой главы — журналист Кирилл Ильин.

— Есть и такие?

— Есть, — он кивает головой.

— В таком случае почему бы не написать это по-русски?

— Зачем? — он пожимает плечами. — Лишние вопросы, лишние разговоры... И потом английский предполагает какой-то уровень интеллигентности.

Ага, понятно. Иногда чувствуешь себя пришельцем из какого-то прошлого века. Вроде все похоже — улицы, дома, люди. И все-таки не то. Непонятное на каждом шагу.

...Телефонная книжка двадцатилетней девушки. Крестиками помечены фамилии мужчин, с которыми у нее были интимные отношения. Крестиков много. На каждой странице, от «А» до «Я».

Удивительно, однако, не только число пометок, но и то, что смысл их не скрывается. Напротив, выставляется напоказ, как значок «секс-инструктора».

Книжку мне показал мой сын. Девица просила передать ее подруге. При этом не преминула рассказать про крестики и ему, хотя он ее не просил.

«По мнению Тимоти Дондеро из Правительственного центра по контролю над заболеваниями в Атланте (штат Джорджия), особую социальную опасность эпидемии СПИДа придает то обстоятельство, что она охватывает в основном молодых людей. Согласно подсчетам центра, почти половину всех больных СПИДом в стране составляют люди в возрасте от 30 до 39 лет».

Не сомневаюсь, что у нас, как в других-прочих странах, благоприятная почва для СПИДа. Взрыхленная и унавоженная. Стоит только сеятелю пройти, семя бросить. Похоже, брошено уже семя, не везде только для взгляда пробилось. Так, кое-где пока, на проталинах да солнцепеках.

...Ирина Л. Двадцати лет. Здесь, в больнице, повторно. Первый раз появилась полгода назад. С ней все ясно: заражена. Это когда впервые человек появляется, бывают еще сомнения.

Жила с иностранным студентом. А студент жил не только с ней одной. Тут сейчас, в этих стенах, две ее сестры по несчастью. В одной с ней палате живут. За одним столом едят.

Вирус обнаружили у студента, когда он вернулся с каникул. Дальше дело известное — начинают работу эпидемиологи. Их задача — выяснить, с кем у человека были контакты. Так и до Ирины добрались.

— Что вы ощутили, когда узнали о положительной реакции?

Зачем я это спрашиваю и какого ответа жду? Я и сам не знаю.

— Ужас, конечно. Что еще? Жалко себя стало.

Сейчас диагностика многоступенчатая. Сначала человека обследуют на месте. Там, где он живет. При положительном или сомнительном диагнозе направляют в город покрупнее — республиканскую столицу, допустим. После уж — в Москву.

— Это же большая ответственность — поставить диагноз или снять, — говорит Элла Сергеевна Горбачева.

Да, это так. СПИД все-таки. Конечно, ответственность. Хотя рак или что-нибудь другое в этом роде — разве меньше?

Все зараженные, с кем ни беседовал, знали о СПИДе к моменту, когда вирус у них объявился. Газеты читали, телевизор смотрели. Это и к рабочим относится, и к служащим... Это, пожалуй, новое, 1988 года. Год назад такого не было. В ту пору слово СПИД хоть и слышалось, но как-то уж больно глухо и отдаленно.

«Недавнее исследование, проведенное Сан-Францисским фондом по борьбе со СПИДом, показало, что люди хорошо осведомлены об этой болезни. Тем не менее пятьдесят процентов мужчин и женщин, отнесенных к группе наибольшего риска (меняющих в среднем от четырех до шести сексуальных партнеров в год), заявили, что факты не убедили их в необходимости пользоваться кондомами или как-либо иначе менять свои сексуальные привычки».

— Конечно, я знала об этой болезни, — говорит Ирина. — Читала. И с ним мы много говорили на эту тему. Конечно, было страшно, потому что я знала, что он немножко гуляет, что у него есть еще женщины.

— Не пытались вы... — я подыскиваю слово, — укротить его нрав?

— А! — машет она рукой. — Бесполезно. Тем более что он из такой страны, где болезнь эта очень часто встречается. Так что он не очень переживает. Говорит, что они ее не чувствуют. Сейчас он уехал. Женился там. Вроде бы все нормально...

Вот ведь как: сам заразился, заразил других — и ничего, нормально. Можно продолжать дальше.

«Земледелец Сакария Хариама из Киомпанги, что на юге Уганды, безнадежно болен. Вот уже год, как его жена умерла от «слим дизиз», «болезни, которая делает тонким». Так именуется эта болезнь на ло-

маном английском. И вот уже полгода Сакария знает, что и он подхватил СПИД.

Началось все точно так же, как и у его жены: расстройство желудка, кашель, лихорадка, потеря веса — за три месяца тридцать фунтов. Ему тридцать пять лет, но выглядит он на все шестьдесят. Серо-желтая кожа, натянутая на острые кости, седые волосы, красно-желтые белки глаз. Он уже стесняется показываться на людях.

Поскольку он не может принимать твердую пищу, питаться ему приходится самолично приготовленной вальвой, напитком из бананов.

Он уже потерял надежду. Он надеется только, что по крайней мере его сыновья избегнут той же участи».

«Даже если процесс передачи вируса СПИДа удастся остановить уже сейчас, сотни тысяч угандийцев скончаются от СПИДа к 2000 году», — говорит Ричард Гудгейм, американский миссионер и специалист по СПИДу, в статье, которая была опубликована в правительственной газете «Нью вижн»...

Уганда, чье население составляет приблизительно 16 миллионов человек, является одной из тех африканских стран, которые в наибольшей степени пострадали от вируса СПИДа.

Гудгейм заявил, что до 15 процентов городского населения в южных и восточных районах страны инфицировано вирусом... Результаты выборочных обследований, проведенных в Кампале, показали, что от 11 до 19 процентов доноров, сдающих кровь, являются носителями вируса СПИДа... от 10 до 24 процентов беременных, от 30 до 48 процентов взрослых стационарных больных и 67 процентов проституток также заражены этим вирусом».

Всякие бывают истории.

У Кеннета М., иностранного студента, обнаружили вирус. Выслали из страны. Через две недели он звонит Покровскому из Парижа и заявляет ему: его проверяли в одной из лучших парижских лабораторий, наличие вируса не подтвердилось.

— Друг мой, не надо лгать, — говорит Покровский. Они с Кеннетом на «ты»: он долго у них лежал. — Мы проверили женщину, у которой ты был единственным партнером. У нее тоже вирус.

Какое-то время Кеннет молчит в замешательстве.

— Ты извини... — говорит после. — Я как раз хотел отвлечь от нее ваше внимание.

— Она сама к нам пришла. Она не называла тебя, но мы «вычислили».

Я пытаюсь понять, почему человек в таких обстоятельствах прежде всего старается запутать следы, вместо того чтобы раскрыть карты,— как раз для блага человека, о котором заботится.

Видно, не верит он в это благо. Другое за благо почитает.

Вернемся, однако, к Ирине. Дальше будет поворот сю-

жета, который я лично предчувствовал и год, и два назад. Не я один, разумеется. Тут особого провидчества не требуется. Об Ирином диагнозе мгновенно стало известно у нее в конторе. Это при том, что медицинский диагноз должен быть тайный. Тем паче этот. Город небольшой. Все друг друга знают. На новости голод. А тут новость первостатейная — СПИД! Еще и СПИДа нет, только вирус, но все равно. Да это ж такой нам подарок, граждане! Да это ж мы не меньше Москвы прославимся.

Когда после отпуска Ира возвратилась на работу, место ее оказалось занятым. Что делать? Пошла в санэпидемстанцию в отдел по борьбе с особо опасными инфекциями. «Что, мне нельзя работать на этом месте?» Можно, отвечают. На всякий случай и в министерство позвонили. Там тоже подтверждают — можно. Директор ничего слышать не хочет: «Если ты не уволишься, я издам приказ, что ты вирусоноситель СПИДа».

«...Все больше и больше людей, пораженных вирусом СПИДа, сообщают, что им отказывают в жилье, работе, страховании и медицинском обслуживании. Подобная дискриминация подрывает нашу способность ограничить распространение эпидемии. Если человек подозревает, что заражен, он избегает анализов. В результате некоторые носители вируса даже не знают, что передают его половым путем или в результате совместного пользования одной иглой. Все меры, принимаемые против СПИДа, не оправдывают себя без обеспечения строгой конфиденциальности. Люди, зараженные вирусом, избегают также сообщать фамилии своих партнеров, если опасаются, что это превратит их в изгоев».

Ирина ждет ребенка. Как же так? Этого я не понимаю. Ладно еще, когда заражают человека пожившего, успевшего нагрешить, как изъяснялись когда-то. Но ребенка, который и света-то белого еще не узрел...

По этому поводу, когда за Ириной закрылась дверь, у нас с врачами вышел спор. Врачи кивали на неодолимый материнский инстинкт, говорили, что есть, мол, пятьдесят процентов надежды, что ребенок родится здоровым. Но что такое пятьдесят процентов! Мы ведь не можем его спросить, хочет ли он играть в эту рулетку. А он нам не может сказать. Сколько по миру уже рождено таких несчастных!

Помню огромное, на разворот, фото в каком-то западном журнале: отец, больной СПИДом, прилег на кушетку, задумчиво смотрит на младенца, играющего у него на груди, уже перенявшего вирус...

— Родственники знают о вашем диагнозе?

— Только мать.

— Как она?

— Переживает, конечно.

У большинства матери — единственная опора, единственные хранительницы тайны, безропотно и здесь несущие свой тяжкий крест.

«На ранних этапах борьбы со СПИДом ученые надеялись, что вирус вызовет болезнь не у всех зараженных. Более того, считалось, что если у носителя вируса болезнь не проявится в течение нескольких лет, то он вообще не заболеет. Новые исследования перечеркивают эти надежды. «Чем больше появляется данных, тем мрачнее становится картина», — отметил Уильям Аэрроу, один из авторов статьи, опубликованной недавно в американском журнале «Сайенс».

Покидая клинику, ее пациенты дают подписку: они знают о том, что инфицированы, что должны оповестить об этом органы здравоохранения, где бы ни оказались, и что не должны передавать эту инфекцию другим людям. Такая вот клятва. В принципе все это в указе записано. Знаешь ты его или не знаешь, в случае чего вина с тебя не снимается. Но эта вот клятва — добавочное напоминание.

Даются советы — беречься. Поменьше быть на солнце, поменьше простужаться, поменьше нервничать, получше питаться... Не пить, не курить.

Были, говорят, три случая, когда таким вот способом удалось вылечить хронических алкоголиков. Дорогая, правда, цена — СПИД.

* *
*

Беседуя с зараженными СПИДом, все время ловлю себя на мысли: ведь это совсем не такие «рекордсмены секса», о которых знаю по другим, внебольничным встречам, разговорам, наблюдениям. Если даже такие подхватывают вирус, что же говорить о «рекордсменах»? Их встреча со СПИДом — просто вопрос времени.

«В Великобритании правительство развернуло просветительскую кампанию под лозунгом «Не умирайте из-за незнания!». Эта кампания была начата до того, как опрос населения в возрасте от 16 до 29 лет показал, что лишь один человек из семи встревожен известиями о СПИДе настолько, чтобы изменить свои сексуальные привычки».

«В Италии был проведен опрос населения в связи со СПИДом. Одним из вопросов был: «Как изменились ваши привычки с тех пор, как появился СПИД!» О том, что они ограничивают половые контакты, заявили всего лишь шесть процентов ответивших. Большинство — восемьдесят один процент — ответили, что они ничего не изменили в своих привычках».

...Евгения Н. — ровесница Иры. Там все ясно, откуда прибыл вирус. Здесь неясно ничего. Замужняя женщина, пышущая здоровьем. Водитель электрокара на заводе. Годовалый сын. Сама мужу никогда не изменяла, и муж ей — тоже никогда, она уверена. (Мужа проверили, анализ отрицательный.) Донор. Кровь сдавала два раза в год. Шесть раз сдала. Перед седьмым — стоп, вирус СПИДа! Что? Почему? Откуда?

Доноров проверять лишь недавно начали. Будь иначе, может быть, и раньше какие-то подозрения возникли бы...

Правда, результат здешнего, московского, анализа пока неизвестен. Евгения лишь позавчера приехала. Так что остается только молиться.

Ложные диагнозы случаются. Особенно выставляемые местной медициной (потому и посылают всех в Москву для проверок-перепроверок). Конечно, счастье, когда с тебя снимается приговор, но при нашей патологической болтливости, несоблюдении врачебной тайны , коллективной мнительности «отмыться» от ложного диагноза так же трудно, как если бы он был правильным. Если уж тебя пометили, так и будешь меченым ходить.

Здесь, правда, не так, как в случае с Ириной, — медики поступили совестливо. И профессионально. Не стали ни звонить, ни трезвонить, ни по почте, ни через третьи руки ничего не пересылали. Пришла женщина с санэпидемстанции. Уединилась с Евгенией в отдельной комнате. Так, мол, и так, есть подозрение, вам надо перепровериться.

Муж как раз был дома после ночной смены. Она ему сразу все и рассказала.

Все по-людски. Все по-человечески.

— Домой хочется?

— О-о-о!.. — только и вырывается у Евгении.

А ведь она здесь лишь второй день. Правда, две недели пробыла в республиканском центре. Здесь долго не держат — неделю самое большее. Но день за год кажется. Под таким-то прессом.

Наравне с канцерофобией — боязнью заболеть раком — сейчас появилась спидофобия. На проверку приходят люди пожилые, с медалями, с сединами... Когда-то с кем-то согрешил и вот теперь ночами не спит... Как всегда в таких случаях, сразу отыскиваются все симптомы, какие свойственны болезни. Некая женщина вспомнила даже, что в пятьдесят седьмом во время фестиваля было у нее любовное похождение...

Вот когда все открывается. Кто бы мог подумать, что

6 Заказ 5535

отыщется ключ, отворяющий самое-самое... Самое потаенное и скрытое, припрятанное глубоко на дне. Вот когда мужья и жены узнают о неверности своих супруг и супругов.

— Мне признаваться не в чем, — говорит Евгения. — И скрывать нечего. Причин не верить мне у мужа нет.

При самой первой встрече, когда и диагноз-то еще толком не поставлен, на расспросы врачей пациенты отвечают не щедро. Сами, дескать, не возьмем в толк, как могли заразиться. Вот как в случае с Евгенией. Неоткуда взяться вирусу. Мистика какая-то. Вроде непорочного зачатия. Для врачей, однако, никакой мистики нет. Была, должно быть, какая-то связь, о которой человек не хочет говорить. Со временем, когда диагноз подтверждается и уже не до шуток, люди чаще всего открывают все как на духу. Но, бывает, страх признаться в измене мужу, жене оказывается сильнее остального-прочего. Тогда кивают, допустим, на шприцевую инфекцию. В таком случае, как с Евгенией, — на донорство. Истинный источник заражения остается в тени. Хорошо еще, если, прослышав, что обнаружили вирус у того, с кем у него была связь, человек по своей воле явится на обследование, анонимное или обычное.

«Женщина-адвокат из Нью-Йорка, в возрасте немногим за тридцать, страдала необычными осложнениями в конце первой беременности. У лечивших ее врачей не было подозрений насчет СПИДа, поскольку к тому времени она уже несколько лет была замужем и ни она, ни ее муж не нарушали супружескую верность, не вводили себе наркотики. Однако, когда у нее обнаружилась редкая форма пневмонии, обычно сопутствующая СПИДу, провели анализ крови на это заболевание. Он оказался положительным. Уже после этого она выяснила, что мужчина, с которым у нее были интимные отношения в 1981—1983 годах, был бисексуалом и, видимо, носителем вируса...»

«Непрерывное ухудшение состояния тридцатичетырехлетней женщины, матери двоих детей, разведенной, оставалось загадкой для ее врача, пока не был проведен анализ на СПИД. Он показал, что женщина заражена вирусом. Она убеждена, что это следствие ее двухнедельного романа с «эффектным мужчиной», с которым она познакомилась в 1984 году в одном из нью-йоркских дансингов и которого теперь, увы, невозможно разыскать. Ее друзьям он запомнился как женолюб, который не был ни бисексуалом, ни наркоманом».

...В один из осенних вечеров мне позвонили. Незнакомый мужской голос сказал, что он звонит по просьбе Вадима Валентиновича (я договорился с Покровским, чтобы он посылал ко мне при случае своих пациентов).

Виктор Р. Двадцать пять лет. Педагог. Вирус обнаружили в мае 1987 года.

Я предложил ему встретиться, поговорить, глядя в лицо друг другу, но он отказался: «Не стоит». Свято блюдет свою анонимность.

Я спросил, что побудило его тогда обратиться в анонимный кабинет. «Плохо себя почувствовал». Иногда это бывает — плохое самочувствие уже вскоре после заражения. Была случайная связь. Подозрительная.

— Вы не поверите, два месяца был точно невменяемый! Не мог ничего делать, все валилось из рук. Родные, окружающие ничего не понимали: «Что с тобой?» Что я им мог сказать? Потом понемногу успокоился.

Голос у Виктора какой-то вялый. Равнодушный.

Жена выдержала только полгода. Потом пошло-поехало... Скандалы. Ссоры. Боялась заразиться. Главное, ничего не скажешь — ты виноват. Раз подцепил где-то — значит, виноват. Что тут возразишь? Сейчас разводятся.

Проглатывает все, что печатается о СПИДе. Чуть что — звонит Покровскому. Тут вот в газете заметку тиснули, что СПИД передается через кожу. Дескать, массажисты должны в резиновых перчатках работать. «Выкиньте из головы этот бред! — говорит Покровский. — Мало ли какую ерунду напечатают!»

Я представляю, как он сидит у себя в кабинете, обложенный бумагами, что-то пишет. Без конца входят сотрудники со всякими делами. Все время звонит телефон. Покровский поднимает трубку. Не уклоняется, как у многих сейчас заведено. Для таких, как Виктор, он что-то вроде духовника.

— Что вы, — спрашиваю, — не поручите эту роль комунибудь?

— Пробовал поручить — себе дороже выходит. Скажут что-нибудь такое — после выправляй.

* *
*

...Лена родила в восемнадцать. Причем она так и не знает, кто же отец Андрюши. Произошла эта промашка прошлым летом, когда Лена со своей подругой отдыхала на юге. Вслед за ней туда приехали три ее ухажера — двадцатитрехлетний «хайлайфист»[1] Эдик, его приятель

---

[1] Человек, принадлежащий якобы к элите, буквально — к людям, обладающим высоким уровнем жизни (high (англ.) — высокий; life (англ.) — жизнь).

Георгий, известный в Москве рокер, и ровесник Лены Саша. Поскольку в течение всего пребывания на Черноморском побережье она спала с ними по очереди (при этом подруга ночевала в той же комнате), то, естественно, определить истинного папу не представилось возможным.

...«На картошку» со своим цехом Нина поехала лишь потому, что у нее в данный момент не было партнера. Както их бригада попала в грозу. Решили переждать погоду в заброшенной церкви. Гроза миновала. Все пошли в лагерь. Остался лишь Роберт. Ему захотелось осмотреть интерьер. Нина тоже задержалась — якобы с той же целью. Роберт ей не нравился, но у них среди подруг ходили слухи о его недюжинных мужских способностях...

— Он мне, конечно, не нужен,— после объясняла Нина.— Дурак, да и не красавец. Просто хотелось проверить, верны ли слухи. Ничего особенного.

...Борис размышляет философски:

— Не родилась, видно, еще такая женщина, которую я мог бы выдержать больше месяца. Через месяц просыпаешься, видишь ее рядом в постели и чувствуешь какой-то дискомфорт. Встаешь, одеваешься, выскальзываешь из квартиры, пока она спит. Садишься во дворе в свою «тачку», и тебя вдруг такая нежность к этой «тачке» охватывает. «Эх, — шепчешь, — милая, увези меня далеко-далеко отсюда, а обратную дорогу забудь!» Не, честно, душа каких-то новых ощущений требует...

...В кабинет входит высокий плечистый молодой человек. Валерий Л. Электрослесарь. Двадцать два года.

Сегодня он первый наш собеседник-мужчина. А вообще среди зараженных СПИДом мужчин больше. Среди иностранцев вообще две трети, но и среди наших большинство.

Валерий здесь тоже со вчерашнего дня. Тоже ждет подтверждения диагноза. Тоже положительный результат был уже дважды — на месте и в республиканском центре.

В палате их — интернационал: поляк, югослав, перуанец, африканец из Конго и вот русский. Одна койка пока пустует.

Еще два «тоже»: тоже донор, вирус тоже выявили при сдаче крови. Два месяца назад. Начинает работать фильтр.

— У меня кровь хорошая была, — вздыхает Валерий. — Всегда с охотой брали.

Теперь уже не возьмут.

Здесь такой же вариант, как у Ирины: на следующий день весь город знал, что у Валерия СПИД. Сестра Валерия работает в больнице. Своими ушами услышала на пя-

тиминутке: «У нас в городе обнаружен первый случай СПИДа». И — фамилия, имя, отчество брата. Вот так.

— Я теперь и не знаю, как мне домой ехать. Весь город об этом говорит.

Матери, когда ей сестра обо всем рассказала, стало плохо. Пришлось «скорую» вызывать.

У семьи полно знакомых. Все спрашивают: это правда?

— Мама теперь говорит, что мне придется уехать куда-нибудь в другое место.

А ведь диагноз еще не подтвердился. Идет проверка. Между тем на человеке поставлен крест.

— Никогда бы не подумал, что врачи могут так поступить. Я ведь читаю... Смотрю по телевизору... Никаких фамилий. Не ожидал я этого от врачей.

В медицине, в отличие от других сфер, даже науку целую придумали — деонтология называется. О поведении врача. Хотя большинство правил, без всякой науки, всем понятно. Но и наука, видим, не страхует от глупостей.

Преимущество больших городов — здесь это все растворяется, как в океане. Рассеивается и развеивается. Никто в тебя пальцем не тычет. В малых же городках — наоборот, все концентрируется у тебя на лбу, словно луч солнца под увеличительным стеклом.

Дальше разговор наш с Валерием переходит на щекотливые материи.

— А как вы считаете — вы могли заразиться?

— Пока я исключаю. Пока я причины не вижу.

Выясняется, однако, что Валерий несколько лет работал за границей. В одной из соцстран. Жил там с женщиной. Растет трехлетний сын. Был там этим летом. Собирается жениться.

По иронии судьбы сейчас, когда связи с иностранцами только-только перестают у нас быть подозрительными и предосудительными, появляется СПИД, который словно бы бесцеремонно требует все вернуть на свои места. Связь с иностранцами — тоже фактор риска. СПИД путешествует, не предъявляя паспорта.

Впрочем, в соцстранах, как и у нас, случаев СПИДа пока не так много. Вероятность заразиться пока не столь велика. Как только поднялась тревога, Валерий сразу позвонил подруге, все рассказал. Она тоже прошла проверку. Результаты пока неизвестны.

Еще одно подозрение, пожалуй, более основательное: у Валерия была случайная связь с неизвестной женщиной. Заразился от нее гонореей. Вполне мог заразиться и

СПИДом. Эту не проверишь: даже имени ее он не знает. Ищи ветра в поле.

Других контактов у Валерия было немного. Так, по крайней мере, он утверждает. Все женщины проверены. Зараженных нет. Элла Сергеевна считает, что самый вероятный источник заражения — та неизвестная женщина.

Достаточно одного контакта, чтобы заразиться?

— О! Вполне достаточно! — восклицает Элла Сергеевна. — У нас есть такие солидные люди, семейные... Однажды согрешили — и вот вам, пожалуйста...

— Конечно, чем больше контактов, тем вероятность больше, — рассудительно добавляет Олег Геральдович Юрин, врач, сотрудник отделения.

Элла Сергеевна вспоминает про свою просветительскую миссию:

— Поэтому и учат молодежь, что надо строго относиться к выбору партнера. Даже если их несколько, надо быть до конца уверенным, что они здоровы, вот о чем речь.

Не очень-то слушает молодежь эти поучения.

В семье Валерия роли распределились привычно: отец обвиняет сына во всех смертных грехах, мать — защищает.

Трагизм ситуации, в какой оказался Валерий, усиливается еще одним обстоятельством. Если диагноз подтвердится, в ту страну, где живет подруга, его могут не выпустить. В таком случае намечаемую женитьбу придется отложить.

«— Современное человечество потрясено тем, что такой глобальный взрыв произошел, и мы не заметили, как это случилось, — говорит директор программы борьбы со СПИДом при Всемирной организации здравоохранения Джонатан Манн. — Если мы примем за основу весьма приблизительную оценку, что пять миллионов человек на планете заражены этим вирусом, то в ближайшие несколько лет мы получим, по меньшей мере, миллион новых проявлений самого заболевания».

«Эпидемия СПИДа приобретает глобальный характер, и для борьбы с ней необходимо тесное сотрудничество ученых всего мира. Это неоднократно подчеркивалось в ходе состоявшегося в июне 1988 года в Стокгольме 4-го Международного конгресса по СПИДу, в котором приняли участие около 7 тысяч делегатов из 138 стран.

Как отмечалось на конгрессе, уже сейчас зарегистрировано около 100 тысяч случаев заболевания СПИДом в 43 странах Африки, 50 — Америки, 28 — Европы, 25 — Азии и Океании. Особую тревогу вызывает тот факт, что СПИД с большой скоростью распространяется и на регионы, еще совсем недавно считавшиеся благополучными в этом отношении... Более того, меняется сам характер распространения СПИДа — в настоящее время отмечен рост заболеваемости среди населения, не относящегося к группам риска».

* *
*

— То, что общество в конце концов приходит к моногамной семье, — говорит Покровский, — быть может, свидетельствует о том, что заболевания типа СПИДа уже существовали в прошлом. Чтобы выжить, люди вынуждены были обратиться к моногамии.

— Наверное, мы и впредь не застрахованы от появления каких-то новых вирусов?

— В какой-то степени нам повезло, что появился вирус СПИДа, а не какой-нибудь другой. В общем, с вирусом СПИДа еще можно бороться. Можно надеяться остановить его распространение на каком-то уровне. Вот если бы появился вирус, передаваемый воздушно-капельным путем, — плохи были бы наши дела.

Я напоминаю Покровскому, что одно время были такие разговоры: дескать, в результате мутаций и вирус СПИДа может обрести такую ужасную способность — передаваться по воздуху. Наподобие вируса гриппа. Сейчас такие разговоры заглохли?

— Да. Сама его биология говорит о том, что это невероятно — то, что он может передаваться каким-то другим способом. Ибо само его существование связано с клетками крови. А те, которые передаются по воздуху, чаще всего связаны с эпителиями дыхательных путей. Так что в обозримом будущем (в ближайшие миллионы лет) вряд ли он обретет эту способность — переноситься воздушным путем.

...Виктория З. Преподаватель вуза. Еще один носитель вируса. Старше других, с кем беседовал в эти дни, — двадцать девять. Замужем. Трое детей. Тоже типичная картина: называет сразу возможный источник заражения, но опять-таки анонимно, так что не отыщешь. Некий артист, с кем у нее была связь во время пребывания в Москве (сама она из иных краев). Как это представить? Приглянулись друг другу на улице? В автобусе? В метро? Гм... Тридцатилетняя женщина. Вовсе не так привлекательна, чтобы кто-то побежал за ней очертя голову. Это за юными феями бегают. Тогда — на какой-нибудь вечеринке? Это скорее. Но в таком случае должны быть какие-нибудь знакомые, ведающие про артиста, могущие его отыскать. Дело-то серьезное. Но подробностей не сообщается. Безымянный артист, и все. Безымянный артист — просто некий символ. Знак, который должен

сказать врачам, что заражение вполне могло быть, что никакой мистики, как в случае с электрокарщицей, нет. Пока — безымянный артист, а дальше посмотрим. Поглядим, подтвердится ли заражение. Может, еще не подтвердится. Случись так — тогда и хлопотать не о чем. Пусть тайны остаются тайнами.

Уж больно мало шансов, что диагноз не подтвердится. Все-таки это уже третья ступенька проверки. На двух первых было «да».

Наметанный глаз врачей определяет: похоже, что женщина эта ведет бурную жизнь втайне от мужа. То, что называется спортивный секс. Скорее всего. Характерно и то, что о тревожных анализах, о подозрениях насчет СПИДа она мужа не оповестила. На анализ ее направил гинеколог, которому кое-что показалось подозрительным.

Гинеколог обычно подозревает венерологию, направляет в диспансер. Но параллельно сейчас идет проверка и на СПИД.

У Виктории знакомство с вирусом тоже прошло тихо. Никто ничего не разболтал. Все сработали аккуратно. Так что по моей, скудной пока статистике выбалтывание происходит примерно в половине случаев.

Спрашиваю:

— С наркоманами вы не связаны?

— Не пью, не курю, наркоманией не занимаюсь! — отрепетированно выпаливает Виктория.

Вообще на вопросы здешние обитатели отвечают неплохо. Одно и то же их спрашивают и на месте, и в республиканском, и здесь, во всесоюзном центре. У журналистов, правда, вопросы несколько иные, со своим уклоном, но их тоже хватает. На следующий день после нашего разговора собеседников моих пытало телевидение.

— Вы их хорошо к съемке подготовили, — смеется Покровский.

Сниматься, правда, мои собеседники отказались — только на магнитофон записать разрешили.

В клинике сорок пять коек. Каждого проверяемого держат около недели. Сейчас пока есть резерв мест. Как говорят врачи, то густо, то пусто. Но если пойдет поток... Пропускная способность — человек двести в месяц. Всех перепроверять уже не будет возможности. Придется, видимо, доверять местным анализам. Обещают, правда, ввести новый корпус, но это когда еще будет...

Есть случаи, когда инфицированные, познакомившиеся здесь, в клинике, женятся. В принципе это не возбра-

няется, хотя у некоторых специалистов есть подозрение, что повторное инфицирование усугубляет дело.

Даже детей рожают, несмотря на предупреждения.

— Да, тяжелая у вас работа, — сочувствую я врачам.

— Она — новая.

Напоследок еще вопрос к Виктории:

— Боялись вы СПИДа?

— Я никогда об этом не думала, потому что не делала ничего такого, что могло бы привести к нему.

Ну как же? А эта случайная безымянная связь? Мы все почему-то думаем, что для СПИДа требуется что-то такое сверхобычное. Между тем он довольствуется малым.

«Считается, что те, кто на протяжении последнего десятилетия находился в браке, то есть поддерживал полностью моногамные отношения, надежно защищены от СПИДа. Однако по данным нашумевшего в свое время доклада Кинси (он был подготовлен почти сорок лет назад), до 50 процентов женатых мужчин и 26 процентов замужних женщин в возрасте до сорока вступают во внебрачные связи. По общему мнению социологов, сегодня эти цифры намного выше».

«Соне Шерман, секретарю адвокатской конторы, было 29 лет, когда она разорвала помолвку и начала борьбу со своей болезнью. Вирусоносителем, от которого она заразилась, был ее бисексуальный жених. Диагноз СПИДа был поставлен ей в 1983 году. Она умерла в августе 1986 года, оглохшая, страдающая диабетом, измученная многократными приступами пневмонии».

«Даже если сейчас вы — «нормальный» и моногамный человек, это не значит, что вы вне опасности. Поскольку СПИД имеет продолжительный, неопределенно долгий инкубационный период, вы и ваш партнер можете быть его носителями и распространителями в течение десяти лет и более, совершенно о том не подозревая. Таким образом вы будете вести половую жизнь не только с вашим партнером — через него вы окажетесь в половой связи с каждым из тех, с кем у вашего партнера была связь на протяжении последнего десятилетия и более».

...Через несколько дней я позвонил в клинику, поинтересовался результатами анализов. У всех четверых, с кем в тот день беседовал, диагноз подтвердился.

...В октябре 1988-го — очередной случай нераспознанного вовремя СПИДа. На этот раз — у четырехмесячного ребенка. СПИД распознали только после его смерти. В газетах — шум. Мать — женщина легкого поведения, как аттестовали ее в публикациях. Отказница.

...В комнату входит, как-то пятясь перед сопровождающим ее врачом.

— Не буду!.. Не буду я давать никакого интервью!

Достаточно того, что меня уже обозвали в газете проституткой.

— В какой газете? Ты сама видела?

— Не знаю в какой... Мне сказали... в «Труде», кажется...

Ревет. Девятнадцать лет. По виду совсем девчонка. Все манеры детские. Детское личико. Прочтешь о такой в газете — ну, думаешь, монстр! Вблизи все выглядит подругому. И всех начинаешь жалеть, всем сочувствовать. Хоть не встречайся ни с кем. Самые злые публикации получаются, когда не видишь человека...

— Это ж надо так ославить! Проституткой назвать, — Алла продолжает плакать. — Что мне теперь делать? Из города уезжать? С работы увольняться — это уж точно...

Садится, однако, на стул. Боком ко мне. Всхлипывая, отвечает на расспросы.

Когда установили СПИД у ее умершего сына, взяли кровь и у нее. Естественно, — вирус.

Назвала девятнадцать своих партнеров. Это за два года. Видимо, далеко не всех. Только тех, кого знает. Из них трое иностранцев. В Союзе их уже нет.

Элла Сергеевна по-матерински ее отчитывает:

— Алла, девятнадцать — за два года. Ты вообще о чем думаешь? Это если ты еще всех назвала... Ты мне дочка по возрасту... У меня дочери двадцать, а сыну — двадцать четыре... Оцени все-таки вот это свое состояние как молодая интересная женщина. Нормально ли все-таки такое число партнеров за такое время? На будущее — оцени!

— Ой, да что мне будущее! Какое у меня будущее?

Этакий мягкий малороссийский говор.

— Нет, напрасно ты так думаешь, у тебя будущее интересное впереди, ты все это знаешь. Какие у тебя планы?

— Какие у меня планы! У меня уже работы нет, дома нет... У меня ничего нет. Мне нужно из города мотать.

— Не волнуйся, успокойся. Пересмотри свое отношение...

Спрашиваю Эллу Сергеевну:

— Не нашли источник заражения?

— Ищут, ищут... Проверяют весь ее список. Как ты сама считаешь, от кого ты могла заразиться?

— Я без понятия... После алжирца у меня брали кровь на СПИД... И он уезжал — у него тоже брали... По-моему, он отпадает.

Идет поток иностранцев. Некоторых из них проверяют на СПИД. Если обнаружат вирус, — высылают. Но между приездом и высылкой проходит время. Вполне достаточное, чтобы оставить в нашем отечестве память о себе. «Медицинская газета», сентябрь 1988 года:

«Номер 601, 1964 года рождения, прибытие в Москву и дата забора крови — 13 августа. Через три дня, 16-го, направлен на учебу в Воронеж. А 17-го в тетради появилась запись — подтверждено инфицирование вирусом СПИДа. Номер 741 — все аналогично. Уехал в Кишиневский сельхозинститут. Номер 1310, также 1964 года рождения. Прибыл в Москву 20 августа, в тот же день прошел медосмотр, 21-го уехал учиться в Донецк. Подтверждение наличия вируса получено через несколько дней. Аналогичная ситуация с номером 1316 — направлен в Ростовский университет, с номером 2326 — в Баку, 1082 — опять Донецк и, наконец, номер 2538 — снова Ростов».

— Некоторые по полгода здесь болтаются, — говорит о таких вот подлежащих высылке Покровский. — Им берут билет, а они не являются...

— Я назвала все контакты — от первого до последнего, — продолжает Алла. — У меня много молодых парней, с которыми я встречалась еще два года назад, когда занималась в училище. Они сейчас в армии все. Их тоже сейчас будут проверять. Они здоровы — я больше чем уверена. Остальные тоже... А вот эти вот — я уже не знаю, я уже больная была... Не знаю, заразила я их или нет. Я сама об этом переживаю.

«Вот эти вот» — подразумеваются ее партнеры уже после родов. Теперь ясно, что к тому времени она уже была заражена.

— Почему вы отказались от ребенка? — спрашиваю я.

— Я не отказывалась...

На время, значит, сдала. Вот ведь какой сервис: Дом ребенка — как камера хранения.

— У меня были срывы беременности... Я не хотела этого ребенка. Так уж получилось — пришлось родить его.

Как появляются люди на свет? Не хотят их, а они рождаются. Может, счастье для такого — СПИД?

В два месяца ребенок заболел. Воспалением легких. Потом отит. И больше не выздоравливал.

— А ты знаешь, чей это ребенок? — спрашивает Элла Сергеевна.

— Знаю.

— Его тоже проверили?

— Да.

Насчет того, от кого сама заразилась, у нее все-таки есть подозрение. Есть один человек, администратор кинотеатра. Уж больно подозрительно он себя вел. Отрицал с ней связь. Признался только на очной ставке в кабинете главврача (проводятся, видите, и такие мероприятия):

Главное — администратор отказывался сдать кровь на анализ...

— Может, — говорю, — он рассчитывал сходить на анонимное обследование?

— Пока он сходит, он еще десяток заразит... — отзывается Элла Сергеевна.

В Москве Алла впервые. Не порадовала встреча со столицей.

Снова плач. Элла Сергеевна утешает ее: ничего, все наладится, еще замуж выйдешь, другого ребенка родишь, не обязательно зараженного...

Алла отмахивается:

— Так толку-то от этого! Все равно нам скоро помирать. Ну, допустим, через лет десять. Так кому этот ребенок нужен...

— Какие десять? — утешает ее Элла Сергеевна. — А хочешь девяносто?

— Не хочу...

Дальше идет полушутливый разговор о каком-то предполагаемом женихе из числа здешних обитателей, тоже носителе, который за те дни, что Алла здесь, успел на нее глаз положить.

На лице Аллы появляется подобие заинтересованности. А через минуту оно совсем проясняется. Слезы высохли. Забыты газеты, «проститутка», умерший ребенок... Идут расспросы про «жениха» — как он и что, где заразился, каковы его семейные обстоятельства...

Эта мгновенная смена настроения — от безудержного горя к ожидаемой радости и обратно — происходит постоянно на протяжении всего нашего разговора. Вот только что она говорила о смерти, и уже печальная тема забыта:

— Мне сказали, что таблетки от СПИДа есть... Какие-то препараты — уже в космосе... И все такое. Меня доктор успокаивал: поболеешь два года, говорит, потом найдут лекарство...

Видно, что она искренне верит во все эти таблетки и космические препараты.

Элла Сергеевна решает взять быка за рога:

— Алла, у тебя были контакты за деньги?

— Нет...

Кто же в этом признается?

Росла она у бабушки.

— Пришла бы к бабушке, посоветовалась... Как жить, — вздыхает Элла Сергеевна.

Четырехмесячный сын Аллы — первая известная жертва СПИДа среди детей у нас в стране.

«В медицинской документации этот малыш записан под условным обозначением «А». С него начался страшный список, символизирующий собой несчастье, истинные масштабы которого еще никому не известны: СПИД у детей. Ибо «А» — это AIDS (английская аббревиатура, аналогичная нашей СПИД. — Авт.). Хотя СПИД все еще считается болезнью, распространяющейся в рамках групп риска, последним звеном в цепочке все чаще становятся ни в чем не повинные младенцы.

Первая жертва — маленький Том — прекрасно рос и развивался до четырех месяцев, когда у него вдруг повысилась температура: безобидная, как казалось, инфекция. Но через две недели врачи детской клиники, куда его доставили, увидели перед собой высохшее тельце со вздутым животом и очагами воспаления на коже, апатичное лицо и отсутствующий взгляд. При помощи капельницы через четыре дня ребенок поправился настолько, что его можно было отправить домой.

Прошло всего три дня, и Том снова оказался на больничной койке. Он не ел и не пил, либо лежал пластом, либо совершал беспорядочные судорожные движения. Скоро к этому добавилось воспаление легких. Антибиотики улучшили его состояние, но ненадолго. Тому становилось все хуже и хуже, и наступил момент, когда сердце его перестало биться... Мюнхенский профессор Бернд Белорадский... без особого труда установил: СПИД!

Это случилось в 1983 году».

«Весной 1985 года Стефания, которой исполнилось девять месяцев, была доставлена в клинику с тяжелым воспалением легких. Не врачи, а отец, имевший среди своих половых партнеров и мужчин, заподозрил, что девочка больна СПИДом. Проверка это подтвердила. Сомнений не оставалось: Стефания заразилась вирусом СПИДа от отца через мать — либо еще в материнском чреве, либо при родах, а может быть, и через материнское молоко».

«В возрасте восьми месяцев мальчика доставили в больницу с сыпью. Врачи установили, что у него увеличена печень и вспухли лимфатические железы... Первым делом врачи провели тест на вирус СПИДа. Результат оказался положительным...

С чего началась трагедия этой семьи, выяснить невозможно. Врачи задали свои обычные вопросы, связанные с факторами риска. Оба супруга заявили, что были друг другу верны. Муж отрицал, что имел контакты с гомосексуалистами, но кто может поручиться, что у него не было связи с женщиной, которая, в свою очередь, когда-то соблазнила гомосексуалиста! Точно так же и жена могла не иметь понятия о том, что ее бывший половой партнер (до ее замужества) был, например, наркоманом...

Это блуждание в тумане характерно для нынешнего этапа распространения СПИДа, когда болезнь выходит за пределы специфических групп населения и поражает обычных людей...»

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

...Недавно поэт Куняев написал в «Литературной газете»:

Нет, не зря в ледовитый торос
упирается русская карта:
одинаково страшен мороз
и для СПИДа, и для Бонапарта.

Нам все нипочем! Немцу — карачун, а русскому — здорово! Когда в последний раз приняли мы кару за генетически сладостное упование на авось? Совсем недавно — в Чернобыле. Еще недавней — в Новороссийске. Всякий день принимаем. Сходят с рельсов поезда, взрываются цистерны... Горит русский лес от нашего русского разгильдяйства. Вот вам и торос, и мороз!

Озираюсь вокруг. Хоть бы плакатик какой увидеть на заборе, хоть брошюрку какую завалящую в «Союзпечати» — как уберечься от СПИДа. Шаром покати. Словно мы на Луне, а СПИД — там, на Земле. Сколько лет самодовольно гудим: профилактика, профилактика... профилактика — основа нашего здравоохранения. И вот встает конкретная профилактическая задача: СПИД. Где она, профилактика? Запоздало начали проверку групп риска, доноров на СПИД. Чересчур неспешно начинаем проверять другие группы населения. Никак не можем снабдить медицину диагностикумами, одноразовыми шприцами, аптеки — презервативами. Вот вам и морозы, и торосы!

Но главная тревога, конечно, — как поставлено информирование населения.

В сущности, начальная фаза СПИДа у нас в стране — не знаю, как дело пойдет дальше, — это одна из самых печальных страниц нашего санитарного просвещения. Вместо того чтобы ударить во все колокола, возвещая об опасности, просветители тренькали в едва слышимые звоночки. Ситуация требовала, чтобы оперативно был налажен массовый тираж общедоступных и общепонятных брошюр, памяток, комиксов, ярких доходчивых плакатов, которые из

любой точки бросались бы в глаза, чтобы по телевизору регулярно передавались соответствующие киноплакаты, а по радио — объявления, — ничего этого не было сделано. Это при том, что о такой необходимости месяц за месяцем просветителям напоминали в печати. Они не нашли в себе энергии, профессионализма, патриотизма, гражданственности...

Повторяю: как бы ни двинулось дело дальше, два-три года уже упущены. И факт упущения уже ниоткуда не вычеркнуть — он в истории остался. Пронумерован и скреплен.

...В этой книге рассказано о некоторых группах риска — тех, кому СПИД угрожает в первую очередь. Но в сущности все мы в группе риска. И не только потому, что можем оказаться зараженными независимо от того, как мы себя ведем (случаи больничного заражения в Элисте, Волгограде тому пример), — просто потому, что мы живем в обществе, где циркулирует болезнетворный вирус. С каждым днем опасность будет все возрастать. От этого, к сожалению, никуда не денешься.

И все-таки группы риска остаются. И остается личная ответственность человека за свое здоровье и здоровье окружающих.

Эта книга обращена главным образом к молодым. В молодости болезнь — понятие абстрактное. Кажется, здоровье — неиссякаемый резервуар. Не для всех случаев жизни, однако, такое представление оправданно. Нелепо распространять его, допустим, на инфекционные болезни. Им подвержен и стар, и млад. Вирусу СПИДа безразлично, где селиться, — в старом ли, в молодом ли организме. Со старым он справится, конечно, скорее, но и молодой против него не устоит.

Так вот, обращая эту книгу к молодым, отложив другие дела, я писал ее в единственной надежде, что, может быть, она побудит кого-то не увеличивать собой ту или иную группу риска. Это первое. А второе — быть осторожным с теми, кто уже пребывает в этой группе и не собирается покидать ее опасные пределы. Станем надеяться, что в конце концов ученые отыщут средства борьбы с опасным недугом. Но ведь. СПИД не единственная опасность, существующая в мире. Группа риска «по СПИДу» — это одновременно группа риска по многим другим напастям. Увернувшись от участия в ней или вырвавшись из нее, освоив правила нормального человеческого поведения, вы обезопасите себя от многих других «вирусов» (и в кавычках, и без), которые есть или которые могут появиться.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Учебное издание

Мороз Олег Павлович

ГРУППА РИСКА

Зав. редакцией **Н. П. Семыкин**
Редактор **Н. П. Гаценко**
Младший редактор **И. Г. Антонова**
Художник **Н. В. Беляева**
Художественный редактор **Е. Л. Ссорина**
Технический редактор **С. В. Китаева**
Корректор **О. В. Ивашкина**

ИБ № 12778

Сдано в набор 28.08.89. Подписано к печати 01.03.90. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бум. типограф. № 2. Гарнит. литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,04. Усл. кр.-отт. 5,26. Уч.-изд. л. 5,95. Тираж 600 000 экз. Заказ 5535. Цена 25 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома, 153628, г. Иваново, ул. Типографская, 6.

25 коп.